

Александр Харламов

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Высшая мера

Александр Харламов

Высшая мера

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Харламов А.

Высшая мера / А. Харламов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

1937 год, Харьков. Молодой перспективный офицер НКВД влюбляется в жену своего нового начальника. Куда приведёт их эта порочная связь? Сколько всего им придётся пережить в этой жизни, чтобы обрести своё счастье? Содержит нецензурную брань.

Александр Харламов

Высшая мера

Уважаемый читатель, книга, что сейчас лежит перед тобой не является учебником истории или научным исследованием. Это всего лишь художественный вымысел, некая история придуманная мной и помещённая во временные рамки, соответствующие 37-ому году. Я не ставил себе целью целиком и полностью соответствовать датам и историческим персонажам, моде или другим вещам, относящимся к данному периоду истории. Я не историк, я – писатель... Мне показалось интересным рассказать тебе немного другое... Создать атмосферу, заставить тебя полюбить героев и сопереживать им, находя в окружающих их действительности черты нашего времени, сравнивать и делать выводы. Надеюсь у меня получилось. Приятного тебе чтения.

ЧАСТЬ 1

Начало...

Погода была ясная и солнечная. Для начала июня было удивительно тепло. Отметка на градуснике давно перевалила за почти критические плюс сорок, и палящий зной заставил большинство харьковчан попрятаться по домам, оставляя широкие проспекты одиноко пустынными, словно вымершими. Редко, стараясь держаться в тени раскидистых тополей, по улице торопливо, поминутно вытирая выступившие на лбу крупные капли пота, пробегал кто-то из жителей. Глухо гремел на рельсовых стыках трамвай, да изредка шелестела по брусчатке своими шинами машина председателя горисполкома или ещё какого-то важного чиновника, вынужденного в такую лютую жару спешить по несомненно важным государственным делам.

Лениво по пустым улицам бродили вялые с жары голуби, обитая в основном возле фонтанов, где в такое время полуденного зноя и концентрировалась вся жизнь огромного города. И только в одном здании города она не прекращалась ни на минуту, независимо от жары или холода, сумерек или полуденного зноя.

В кабинете начальника УНКВД по Харьковской области Мазо Соломон Савельевича пахло спиртным. На столе была раскидана гора бумаг, среди которой лишь один лист, исписанный аккуратным почти ученическим почерком привлёк его внимание – длинный список фамилий и имён, с указанием должностей, подлежащих аресту. От простого сапожника на Лесной до заведующего лабораторией при крупном заводе... От обилия списочного состава рябило в глазах. Початая бутылка водки стояла рядом вместе со пустым стаканом. Чиркнула в оглушительной тишине зажжённая спичка. Мазо с удовольствием подкурил, выпуская плотное сизое облако дыма.

Чуркин Василий Иосифович... 1900 года рождения директор харьковского мясокомбината. Женат, двое детей...

Соломатенко Галина Григорьевна 1895 года рождения, дежурная по станции Харьков, обвиняется по статье...

Буквы сливались в одну сплошную чёрную кляксу. Мазо устало потёр слезящиеся от дыма глаза, пытаясь сосредоточиться. Кто тут ещё...

Саяпин Оксана Богдановна... Бред...

Комиссар 3 ранга НКВД откинулся на спинке стула, нацедив себе из початой бутылки почти полный стакан. С удовольствием выпил, затянувшись папиросой.

В дверь постучали, аккуратно, вежливо, но этот стук заставил Мазо испуганно вздрогнуть, словно в этот момент он совершал что-то неприличное, противоправное.

Глава управления наркомата внутренних дел по Харьковской области медленно убрал водку в стол, пытаясь этим простым, до боли знакомым движением унять бешено колотящееся сердце. Дрожь пришла совсем недавно, когда арестовали его заместителя товарища Куценко.

Подумать только, отличный чекист, ответственный работник, добрый друг и вдруг враг народа. С этого момента в голове Мазо начали появляться неподобающие мысли о том, что вся эта компания по ловле троцкистов, не добитых контрреволюционеров и меньшевиков является всего лишь борьбой за власть, разменными пешками, в которой стали судьбы обычных людей. От этого осознания ему стало страшно, комиссар пытался это гнать от себя, стыдясь собственной партийной неуверенности, но все же она приходила к нему каждый раз, когда на подпись ему приносил секретарь длинные списки жителей города, подлежащих расстрелу, каждый раз написанные одним и тем же аккуратным почерком, словно домашнее задание.

– Войдите!– справившись с ненужными эмоциями, разрешил Мазо, затушив окурок в массивной переполненной пепельнице, стоявшей на столе.

На пороге кабинета появился его секретарь. Форма туго обтягивала его крепкие плечи, круглое еще не совсем старое лицо светилось от собственной важности и какой-то уверенности в том, чем он занимается. Святой уверенности... которой Мазо увы, последнее время почти не испытывал.

– Товарищ комиссар 3 ранга! – бодро обратился он к нему, протягивая вперед коленкорную папочку коричневого цвета, доверху забитую бумагами.

– Что это?– устало уточнил Мазо, забирая документы и зашарив по столу в поисках своих очков, без которых стал видеть все хуже и хуже.

– Списки!

– Списки...– то ли спросил, то ли согласился с ним начальник Управления. Очки нашлись под стопкой бумаг, кажется, это были докладные агентов. До них руки ещё не дошли. Он аккуратно взгромоздил очки на длинный еврейский нос и открыл папку.– Списки... Сколько ж можно-то, а? А это что тогда?– недовольно кивнул он на ту бумагу, которую рассматривал до этого.– Списки...– красные, уставшие глаза пробежались по аккуратным строчкам.– Это что тогда?– потряс он перед лицом секретаря другим листом, отбросив гневно тот в сторону.– Такое ощущение, что каждый второй харьковчанин скрытый троцкист или хуже того агент империалистов!

Секретарь молчал низко, опустив глаза в пол. Последнее время ему все чаще приходилось выслушивать от своего начальника такие крамольные речи.

– Это пересмотренные...

– Пересмотренные?– изумился Мазо.– Как-то не в ту сторону только!– он махнул рукой, указывая на предыдущий лист.– Тут всего одна страница, а тут четыре!

– Открылись новые обстоятельства... Пришлось несколько...

– Ясно,– кивнул Мазо, не выслушав стандартное объяснение помощника,– где-то что-то недосмотрели, не достучали...

– Товарищ комиссар 3 ранга,– вскинулся секретарь,– боюсь, что вы не понимаете всю важность борьбы с врагами народа! Ведь именно их саботаж не позволяет нам добиться тех результатов, к которым правительство нашей страны и сам товарищ Сталин стремятся! К чему ведут нашу страну он и наш нарком товарищ Ежов! Все эти недобитки сумели избежать наказания и спрятаться от карающей длани нашего советского правосудия, и, потерявши все, пытаются всячески навредить, сломать нашу пролетарскую волю...– горячо заверил его секретарь. Мазо с грустной усмешкой кивнул, понимая, что спорить бесполезно. Он никогда не был фанатиком, урождённый еврей искал выгоду во всем, в чем только можно! И если дружба с нынешней властью была ему выгодна, то он был готов её терпеть, но не разделять взгляды своих нынешних товарищей, в том числе и этого человека, для которого за этим длинным списком фамилий не стояли чьи-то судьбы и жизни.

– Можете быть свободны...– разрешил ему Мазо, поняв, что разговора не получается.

Обиженно поморщившись, наверное, обязательно настроит в политотдел на него докладную, секретарь, оглушительно громко ухая сапогами вышел прочь, снова оставив Мазо

один на один со своими мыслями. А ведь они с Власенко прошли бок о бок очень долгий путь. Было время, когда Соломон мог доверить ему свою собственную жизнь!

Тошно... Тошно и противно, словно сам того не желая с ног до головы искупался в дерьме. Мазо вздохнул и взялся за списки. Много, очень много людей... В основном евреев из известных в Харькове фамилий. На них началась особенная охота после того, как в Москве раскрыли заговор врачей, пытавшихся немного ни мало отравить самого Сталина! Сталина... Вы только вдумайтесь!

Мазо покосился на портреты вождя мирового пролетариата и вождя народов, примостившихся над его рабочим местом. Этого ли они хотели, когда рвались к власти? Об этом ли мечтал сам Мазо, поступая на юридический факультет университета? Подписывать расстрельные списки, даже не вникая, а виновен ли этот человек?

Он со вздохом отложил бумаги в сторону. Нет... Это просто нервы! Они последнее время совсем расшатались от непривычного ощущения постоянно бродившей вокруг опасности. Людей настолько запугали, что своими мыслями было страшно делиться даже с самим собой перед зеркалом, а вдруг стуканет куда следует. Это все от нервов... Нервы...

Соломон Савельевич вылил остатки спиртного себе в стакан и залпом его опрокинул. Алкоголь его не брал. Он пил его, как воду, не чувствуя привычного жжения и теплоты в желудке. Страшно... Во рту уже тошнило от папирос. Дым висел под потолком в кабинете плотными клубами, сползая к окну.

– Что тут у нас?– дабы хоть как-то себя приободрить произнёс вслух Мазо, листая страницу за страницей. Ежов совсем свихнулся! Если так и дальше пойдёт, то в городе совсем народа не останется, только чекисты с безупречно чистой репутацией.

В глаза бросилась фамилия подчёркнутая красным карандашом. Он бы никогда не заметил бы её среди длинного списка приговорённых, если бы услужливый и внимательный к мелочам секретарь не удосужился черкнуть под ней красным химическим карандашом. Сука...

– Мазо Валерия Львовна...– ошарашенно прочитал комиссар 3 ранга вмиг пересохшими губами, почти по слогам.– Мазо...

Мир закачался, перевернувшись туманной непроглядной пеленой. Предметы в его просторном кабинете, которым он в тайне гордился неожиданно поплыли в разные стороны, а воздуха стало катастрофически не хватать в лёгких. Мазо... Дрожащей рукой Соломон потянулся к отвороту форменной гимнастёрки. Дрожащими руками с трудом справился с пуговицами. Мазо...

– Лерочка...– он то ли всхлипнул, то ли простонал от душившей его боли. Лист выпал из рук, спланировав на заваленный бумагами стол.– Лерочка...

Невозмутимый чекист вдруг ощутил, что вот-вот потеряет сознание, которое опасно балансировало на грани между непроглядной тьмой и светом, вяло пробивающимся сквозь плотно задёрнутые, как спасение от жары, шторы.

– Лера... Валерия...

Куда бежать? Надо срочно её спасти! Кому звонить? Мазо бессмысленно зашарил руками по письменному столу в поисках телефона. С грохотом рухнула пачка документов, аккуратно сложенная в папку. К черту! Надо что-то делать!

Усилием воли он вскочил со своего места, но ноги подкашивались и отказывались идти. Лерочка... Его милая прекрасная жена! Его добрая нежная... Лерочка!

Первой мыслью было вернуть обратно в кабинет секретаря и выяснить, что, если это шутка, то она получилась не очень весёлой. Но в одно мгновение Соломон Савельевич себя остановил. Ошибки, а тем более шутки тут быть не может. В организации, которую он возглавлял не принято ошибаться, а точнее признавать свои ошибки. Значит...

Он бросился к телефону. Немедленно набрать домашний и связаться с ней. Пусть сбежит, спрячется, пока утихнет эта волна! Пусть берет детей и отправляется куда-нибудь в Москву, на

Север, к тётке! А лучше... Лучше не появляться ни к каким родственникам. Чекисты знают обо всех! Они легко смогут её найти, даже там! Значит куда? Туда, где искать её никто не будет...

Сердце металось, хотя умом Мазо понимал, что это все бесполезно. Леру не спасти. Понимание этого ужаса пришло к нему, как лавина, нахлынув, будто волна. Опустошив, сломав. Он простонал, схватившись за голову.

Милая, добрая Лерочка... Это он! Он виноват! Удар наносили по нему, используя жену.

– Нее-ет... – слезы сами закапали из глаз, катившись помимо его воли, Он заревел ещё сильнее, с грохотом опрокинув стулья. – Нее-ет!

Страшно... Он рванул кобуру, доставая служебное оружие. Он не даст, не даст опорочить, оговорить Лерочку! Нет... Они хотят ударить по нему, так пусть... Лишь бы она, его ненаглядная была жива.

– Товарищ комиссар 3 ранга, – раздался встревоженный голос секретаря из-за двери, – с вами все в порядке? Что у вас за шум?

– Пошёл на... – прокричал Мазо, метнув в дверь пустую бутылку водки. Нервы, все это время в период чисток в аппарате НКВД, державшиеся на пределе, всё-таки не выдержали. Его окончательно доконало то, что для подписи ему подали расстрельный список, в котором была его жена. И этот Власенко её фамилию ещё и издевательски подчеркнул! А может просто хотел предупредить?

– Сволочь! – звон разлетевшейся бутылки все ещё стоял в ушах. Рука дрожала взводя курок револьвера. Он не мог, не имел права подставлять так свою жену. Один выстрел, и от неё отстанут, ведь бьют несомненно по нему через неё. Бьют... Суки...

Глухо щёлкнуло оружие, вставая на боевой взвод.

– Суки... – Мазо пошарил на столе в поисках чистого листа бумаги и карандаша. Может после этого от Лерочки отстанут? И она будет жить спокойно вместе с Софией и Моисеем в мире и радости? Буквы прыгали по бумаге, выдавая его волнение. Карандаш писал бледно, но что-то разобрать все же было можно... Комиссар НКВД последний раз взглянул на начёрканную им коротенькую записку. На белом листе выделялись крупные косые буквы с дореволюционными завитушками: " Так нельзя, товарищи!"

Пожалуй, с них хватит... Он вскинул пистолет к виску. Холодная сталь неприветливо коснулась горячей кожи.

– Прости, Лерочка... – прошептал он, нажимая на курок, зажмурившись. Глухо ухнул выстрел. Тело комиссара НКВД отбросило в сторону, брызнув алыми каплями крови на застеленный зелёной скатертью рабочий стол. Он с грохотом опрокинул рабочее кресло, сорвал тяжёлую штору, карниз не удержался наверху, накрыв застрелившегося чекиста плотным полотном, будто стыдливо пряча слабый поступок офицера.

– Товарищ комиссар 3 ранга! – секретарь забарабанил в двери с той стороны. – Товарищ Мазо!

Никто не отзывался. Рука начальника управления НКВД по Харьковской области безвольно выпустила из ослабевших пальцев рукоятку именного револьвера.

От хорошего пинка двери разлетелись в разные стороны. Секретарь не спешил. Спешить было уже некуда. Он медленно прошёлся по кабинету, рассматривая бледную кисть, торчащую из-под оборванной шторы, потом двинулся к столу покойного. Брезгливо отодвинул в сторону прощальную записку, забрызганную кровью, и достал те списки, что принёс Мазо последними. Удовлетворенно хмыкнул, пряча лист с фамилией подчеркнутой красным себе в карман, и лишь после этого откинул штору в сторону.

Соломон Савельевич лежал, широко распахнув глаза. Чуть выше уха дымилось аккуратное чёрно-бордовое пулевое отверстие. Рот открыт в немом крике о помощи. Липкие жидкие волосы слиплись от крови.

Секретарь вздохнул и прошёл к телефону. Память услужливо напомнила ему заученный наизусть номер наркомата. Трубку взяли почти мгновенно, словно ждали его звонка.

– Москва? Это Харьков!– сообщил он невидимому абоненту в трубку после того, как его соединили.– Да... Увы, но комиссар третьего ранга НКВД Мазо Соломон Савельевич застрелился! Хорошо... Жду!

По ту сторону телефонной трубки раздались короткие гудки. Невидимый абонент разъединился, удовлетворённый этим коротким сообщением.

– Как жаль, Соломон Савельевич... Как жаль...– с лёгкой усмешкой на губах покачал головой секретарь, поглядывая на труп своего начальника. – Как жаль, что вы так ничего и не поняли, оставшись старым рефлексирующим интеллигентом.

ГЛАВА 1

Я топтался на перроне в ожидании объявленного поезда из Москвы, вот-вот, с минуты на минуту прибывающего на Южный вокзал моего родного Харькова. нервно курил папиросу, постукивая по деревянной лавочке пальцами, дрожа от негодования. И, я вам скажу, было от чего! Мне, молодому и перспективному работнику органов государственной безопасности, поручили встречать со столичного поезда нового начальника областного НКВД, вместо застрелившегося Соломона Савельича Мазо, будто стажера отправили сюда, заниматься какой-то ерундой, вместо того, чтобы ловить преступников, которых в последнее время развелось в Харькове более, чем обычно. Каждый день, читая ежедневную сводку по городу я удивлялся наглости, лихости и размаху бандитизма, охватившего столицу советской Украины.

Вот вчера, например, на улице Калинина в упор расстреляна машина госбанка. Трое офицеров милиции убиты, двое ранены, похищены казённые деньги, а я сижу себе на лавочке, ожидая нового начальника управления. Нет... спору нет! Не организовать встречу постыдно и некрасиво, но все же... Почему я?

Затушил нервно папиросу, выбросив её в стоящую рядом урну. Рядом толкались такие же, как и я встречающие, счастливо переговаривающиеся, перешучивающиеся между собой, но в отличии от них, у меня настроения не было совсем.

– Молодой человек, а московский на какой путь?– поинтересовалась крупная женщина в цветном платке, повязанном под шею, с какой-то объёмной корзинкой в руках.

– Да вот и он!– завидел я чёрный чадающий дым, появившийся из-за поворота, как предвестник чего-то нехорошего. Сердце ёкнуло, словно предупреждая меня об опасности, но я, как последний дурак, проигнорировал это предупреждение, оправил свою новенькую щегольскую форму и шагнул к перрону, наблюдая, как дымящая громадина паровоза медленно вкатывается на станцию, громяхая на стыках всеми своими вагонами, покачивающимися в такт движению поезда. И мгновенно перрон оживился. Встречающие единой волной подались вперёд, словно стремясь опередить остальных, а я остался позади, закинув руки за спину, сделав вид, что меня это совершенно не интересует. Женщина с корзинкой метнулась к одному вагону, потом к другому, громко оповещая, о том что у неё самые горячие пирожки в Харькове, с картошкой, повидлом и ещё чем-то... Я было ринулся пресечь спекуляцию, но потом махнул на это рукой. Встречать, так встречать... А этими, пусть другие занимаются.

Паровоз издал последний усталый гудок, выбросив из закопчённого сопла остатки дыма и, скрепя всеми своими сочленениями, остановился. Перрон ожил, загалдели, зашумели люди. Посыпались поцелуи, объятия, женский смех, кто-то весело рассказывал про попутчиков в поезде, а кто-то о своих последних новостях. Старшего майора госбезопасности Коноваленко Андрей Викторовича, присланного нам из Москвы вместо застрелившегося Мазо, нигде не было видно. Чувствуя необъяснимую тревогу, я прошёл чуть дальше, полагая, что в секретариате могли перепутать номер вагона, но синей формы в этом людском море мне обнаружить не удалось.

– Товарищ лейтенант, не меня ищите?– позади стоял крепко сбитый невысокий мужчина с начинающей лысеть, темноволосой, короткостриженной головой, крупным носом и глазами чуть навывкате, чисто выбритый, ухоженный, больше похожий на какого-то конторского работника в фетровой шляпе и светлом просторном костюме лёгкого покроя. В руках у него был небольшой кожаный чемоданчик, а рядом стояла... На миг я ослеп, понимая, что пропадаю окончательно и навсегда. настолько сильно меня поразила эта улыбка из под густых русых бровей, глаза серо-пепельного цвета, немного грустные, но одновременно такие глубокие, что в них, словно в омуте хотелось утонуть. Слегка тонковатые губы не портили эту прелесть, а скорее придавали ей дополнительный шарм, а эти светлые кудрявые локоны, аккуратно уложенные под белую модную шляпку, заставили меня тяжело вздохнуть.

– Вам плохо, товарищ лейтенант?– нахмурившись, осведомился мужчина – спутник этого чуда, шагнув ко мне.

– Нет... Все хорошо!– справился я с волнением.– А вы...

– Старший майор госбезопасности Коноваленко Андрей Викторович,– незнакомец достал из кармана удостоверение работника НКВД и махнул у меня им прямо под носом.– Я так понимаю, Нестор Петрович прислал вас нас встретить?

Я механически кивнул, пытаясь сообразить хоть что-нибудь и постараться отвести взгляд от спутницы своего теперешнего начальника. Она улыбнулась мне, протянув тоненькую ладошку.

– Валентина – моя супруга!– представил женщину майор, явно гордясь своей женой и произведённым её появлением эффектом. Я аккуратно пожал ладонь, боясь своими толстыми пальцами сделать ей больно, чтобы вовсе не выглядеть кретином, я вежливо поинтересовался, как прошла дорога. И замолчал, уставясь бессмысленным взглядом в щербатый бетон платформы вокзала.

– А вы...– улыбнулась вежливо Валентина, прервав напряжённую тягучую паузу, в которой я, впрочем, чувствовал себя вполне комфортно, боясь нарушить мгновение высшего счастья – любования этим ангелом чистой красоты.

– А я...

– Вы...

Будто бы между нами и не было её мужа. Только я и она, даже шумный вокзал перестал существовать вместе с надрывными гудками паровозов, шумом вагонов и звонкими объявлениями диктора.

– Я...

– Вы, вы лейтенант!– подхватил её муж.

– Виноват,– спохватился я.– лейтенант госбезопасности Клименко Александр Сергеевич. Прислан, чтобы встретить вас вместе с семьёй и препроводить на вашу служебную квартиру. Машина ожидает напротив вокзала.

– Вот так-то лучше,– ухмыльнулся Коноваленко, передавая мне тяжёлый чемодан с вещами,– как обстановка в городе, товарищ лейтенант?

Эта фраза заставила меня на секунду отвлечься созерцания Валентины и немного сосредоточиться на делах.

– Докладываю, товарищ майор!– браво отрапортовал я.– На данный момент в городе орудует опасная организованная банда, согласно наших предположений её возглавляет кто-то из затаившихся врагов народа, промышляют грабежами и разбоями. Вчера ими было совершено нападение на машину госбанка, похищены государственные средства, ведётся розыск.

– А разве грабежи не дело местной милиции?– нахмурился Коноваленко, проходя через просторный и светлый, украшенный высокими массивными колоннами с ажурной лепниной зал ожидания Южного вокзала.– Почему этим занимается НКВД?

– До нападения на машину госбанка этой бандой были совершены ещё несколько преступлений, поднявших шум в городе. Из Москвы пришло указание нашим специалистам подключиться к расследованию. Ведь похищены государственные средства... – пожал я плечами, распахивая двери служебного автомобиля, который мне выдали ровно на два часа для встречи столь представительного начальника, чтобы не подумал московский гость, мол, столица Украины лаптем щи хлебает, моторизирована не хуже столичных спецов. Майор садиться назад наотрез отказался. Пояснил, что его укачивает, когда он не видит дорогу, сказывается кавалерийское прошлое, а вот Валентина лишь пожалала плечами и, обдав меня шлейфом ароматных цветочных духов, присела позади.

Я вежливо прикрыл дверь за ней и занял своё место рядом с майором впереди. Мотор – умничка не подвёл, взревев, как положено, всеми своими шестерёнками, выбросив из выхлопную трубу в воздух облако сизого дыма. Мы плавно и медленно тронулись с места, свернув с площади, мимо управления железной дороги на улицу товарища Кирова и вверх к площади Дзержинского, где и располагался наш доблестный наркомат, а так же съёмная квартира нашего нового начальника управления. Мимоходом скосил глаза в зеркало заднего вида, вроде как проследить за обстановкой, а, на самом деле, полюбоваться на Валентину, задумчиво подпёршую левой ладонью щеку и наблюдавшей за пролетающим за окном городом, умытым освежающим летним ночным ливнем.

– Хороший город, – похвалил Харьков Коноваленко, цокнув языком, будто ему отдавали его на откуп, солидный... Вроде пока и патриархального много, мало советского, но чувствую, что все сложится здесь у нас... – проговорил майор, как будто про себя, а после будто бы и не поверил сам себе, и решил уточнить у супруги. – Правда, Валентина?

Жена ответила ему холодным кивком головы и гробовым молчанием. С затаённой радостью, я ощутил, что в семье их не все так гладко, как может показаться. Дурацкое, глупое сердце в моей молодой груди бабахало сильнее положенного. И я с трудом сумел увернуться от выскочившей наперерез куцей лошадёнки с телегой, на которой грудой были навалены какие-то тряпки, самовары, матрасы и прочая утварь. Это встреча навела меня на мысль, что вещей для переезда у полноценной семьи маловато, но о своих наблюдениях я благоразумно промолчал. Крутил баранку, изредка бросая косые взгляды на очаровательную пассажирку, и думал о том, что Секретарь все же молодец, раз уж отправил меня на это задание. Ну, ловил бы я сейчас где-то там бандитов по грязным закоулкам Полтавского шляха, метался бы по многоквартирным домам, опрашивая очевидцев, а Валечку, так бы никогда и не увидел.

Как-то само собой получилось, что у себя в голове, жену майора я уже назвал Валечкой. Имя это тёплой волной растекалось по груди, заставляя меня пунцоветь до состояния самого настоящего помидора с грядки, то бледнеть, как будто съел, что-то не то...

– А как дело обстоит с политическими преступлениями? – будто бы случайно, мимоходом поинтересовался Коноваленко, когда мы уже были неподалёку от ГосПрема.

– Работаем, ищем... пожал плечами я, стараясь обойти неприятную тему. Обстановка в городе была нервная по этому поводу. Лишний раз теперь люди на улицах боялись слово сказать, а ночью когда темнело, с тревогой вслушивались в шум проезжающих мимо автомобилей. Не за ними ли? И с облегчением вздыхали, когда стучались в соседнюю дверь их большой коммунальной квартиры. Я такой «охоты на ведьм» не понимал и не принимал. Тема эта была мне неприятна, но не объяснишь жевсе сразу вновь прибывшему из самой Москвы твоему начальнику?

– Я слышал, что даже под следствием оказалась жена вашего бывшего руководителя товарища Мазо? – с лёгкой небрежностью в голосе поинтересовался Коноваленко. – Валерия Львовна, если не ошибаюсь? Мол... именно из-за этого Соломон Савельевич и из жизни ушёл добровольно, оставив более чем провокационное посмертное письмо?

Ага...щупает меня, гад! Решил я, изобразив на лице одну из самых своих обаятельных улыбок.

– Товарищ Мазо был коммунистом и просто хорошим человеком, – пояснил я, – увы, это все, что я знаю о нем. Меня до душевных бесед с комиссаром третьего ранга не допускали. Все больше на полевой работе. А как там...Почему...Это вам лучше с Секретарём поговорить...

– Секретарём? – нахмурился Коноваленко.

– Виноват...Капитан госбезопасности Власенко.

– Это кто?

– Личный адъютант товарища Мазо. Они вместе были ещё со времён Гражданской войны, вместе в Харькове пролетариат поднимали, потом с махновщиной боролись...Он, когда нашёл труп Соломон Савельевича в кабинете, так убивался, будто по родному.

– А почему секретарь? – поинтересовался Коноваленко.

– Да...Это мы его так прозвали! Ведь, будто тень, за Мазо ходил! Его и сам товарищ комиссар порой так называл. Вот и прижилось!

– «Секретарь» значит... – задумчиво пробормотал новый начальник, уставившись отстраненным взглядом куда-то в окно, где обгоняя друг друга по старой брусчатке, мчалась ватажка пацанят школьников.

– Так точно!

– А далеко ли от управления моё новое жильё? – повернулся он снова ко мне, сверля настойчивым взглядом исподлобья.

– Никак нет...Минут пять, если не спеша! – пояснил я, выворачивая руль вправо, чтобы обогнуть старуху со старыми металлическими ведрами, доверху наполненными свежим домашним молоком, купленным на Конном рынке.

– А забрось-ка ты меня сначала в управление, а потом Валентину Владимировну в нашу новую квартиру. Не терпится мне с коллективом познакомиться, дела разобрать...Чего зря время терять? Ты как, Валечка?

Вопрос мужа вывел её из задумчиво-меланхолического настроения. Она, словно встрепенулась, как синичка на ветке, улыбнулась и кивнула.

– Надо, так надо...

– Только вы, товарищ лейтенант, – распорядился Коноваленко, – уж доведите её до порога, с чемоданом помогите...

– Слушаюсь! – внутри меня все ликовало. Я невольно поддал газу, искренне сожалея, что из старого двигателя нельзя выжать больше положенного. И, если раньше, я намеренно не торопился, чтобы подольше полюбоваться на Валечку, то теперь старался побыстрее добраться до управления, дабы высадить майора и остаться с ней наедине. Боже...какой же у неё приятный голос, а эта улыбка...Я тяжело вздохнул, притормаживая у управления.

Перед главными воротами тарахтел заведённый грузовичок с открытым кузовом, куда усаживались несколько автоматчиков и знакомый мне младший лейтенант Кулик. Вместе с ним мы были в прошлом году на курсах младшего комсостава, вместе служили срочную в Дальневосточной тайге.

Заметив меня он приветливо махнул рукой, показывая одновременно на часы, намекая на то, что критически ограничен во времени, хотя и рад бы поболтать. Запрыгнул в кабину уже на ходу, уцепившись за поручень.

– На задержание... – кивнул я, то ли поясняя что-то Коноваленко, то ли просто подтверждая известный факт.

– Разберёмся! – хмуро кивнул майор, выбираясь из машины. Не стал ждать по-барски, пока я открою ему дверь. Упруго-подтянутой походкой сам вышел наружу, потянулся, демонстрируя то, что все ещё находится в прекрасной форме.

Сколько же ему лет? Присмотрелся я поближе к новому начальнику. Волосы начали сесть рано... Но это из-за тёмного цвета волос. А вот залысины проползли почти до самой макушки, оставив лишь посреди лба небольшой ёжик волос. Насупленные брови, глубокая морщина возле лба. Уголки губ вниз, словно он никогда не улыбался в своей жизни. Пятьдесят? Или около?

Плюнув на свои изыскания, я повернулся к Валентине, почувствовав себя немного свободнее.

– Домой?– уточнил я, попытавшись улыбнуться, но получилось слабо. Она кивнула, тяжело вздохнув. Почему-то в тот момент мне её глаза показались слишком грустными, полными какой-то неизведанной тоски, словно у спящей царевны. Так и не промолвив ни слова, мы добрались до их новой квартиры.

Для начальника управления подобрали жилье в соответствии с его статусом. Ни какая-нибудь коммуналка, в которых чаще всего проживали младшие сотрудники госбезопасности, а полноценная квартира в недавно отстроенном шикарном доме помпезного и громоздкого вида. Только и пользы, что потолки высокие, да соседи сплошь и рядом партийные чиновники.

Во дворе играла ватага ребятни, с визгом строивших какую-то башню из песка. На лавочке у подъезда, надев очки, в одной белоснежной майке и затёртых галифе читал свежий номер «Известий» Валерий Поликарпыч Белобородько – местный руководитель милиции. Чуть поодаль, в тени душистых груш, только ещё начинающих спеть, устроился глава обласполкома товарищ Кучко с внучкой. На огромных качелях с визгом раскачивалась дочь начальника управления Южной железной дороги Остоженко. Всех по роду своей службы я знал не только в лицо, но и теневую жизнь каждого. Ибо, враг не дремлет, а некоторые несознательные элементы могут не только поддаться на уговоры врагов нашего социалистического государства, но и не дай Бог...

Вот, например, Кучко женат, а каждый вечер наведывается к продавщице Лидочке из райпо домой, жене объясняя, что работы стало невпроворот. Супруга верит, но так как ни Кучко, ни Лидочка никаких злодеяний против государства не замышляют, то и их история пока остаётся тайной.

Или товарищ Белобородько... Утаил от следствия изъятые сто рублей при задержании и на них, вне очереди, купил холодильник «ЗИЛ». Пусть... лишь против товарища Сталина и Родины нашей ничего плохого не замышлял. И так про всех обитателей этого правительственного дома.

– Вот мы и на месте!– я мигом выскользнул из автомобиля, распахивая перед Валечкой двери.– Ваша квартира на третьем этаже под номером сорок три. Ключи под ковриком на полу.

– Спасибо вам,– поблагодарила она меня, наконец-то подняв свои ясные глазки в мою сторону.– Вам, наверное, надо спешить на службу?– как-то потерянно она повела плечами, как-то неуверенно и боязливо. Интересно, а я на ее месте, как бы себя вёл в незнакомом городе, в незнакомой квартире, одна, совсем одна... Одна... Это слово забило испуганной раненой птицей в моей голове, отозвавшись в сердце колокольным набатом. Одна...

– Я помогу вам донести чемодан,– подхватил я решительно сундук, поймав на себе внимательный взгляд всех свободных жильцов дома.

– Буду вам очень благодарна...– кивнула Валентина, шагая к подъезду. Господи... какие же у неё были ножки! Эти загорелые стройные икры сводили меня с ума, заставляя все меньше думать о работе и все больше о том, что советскому человеку стыдно даже представить. Ноги...

В чувство меня привела скрипнувшая дверца парадной. После душного летнего смога улицы тут было прохладно и свежо. Валечка шла впереди, мерно качая бёдрами так, будто действительно хотела меня соблазнить. Ах, если бы она была не замужем! Подумал я, отводя глаза в сторону. Ах, если бы...

– А кому раньше принадлежала эта квартира?– поинтересовалась Валентина, устало поднимаясь на нужную лестничную клетку. Дубовая дверь с латунным номером сорок три была прямо перед нами. Я немного замялся. Стоит ли ей говорить, хозяином раньше был предшественник её мужа – товарищ Мазо?

– Впрочем, можете не говорить...– устало выдохнула она, погладив полированное дубовое полотно.– Везде одно и то же...Начальник городского...потом районного...теперь областного...Как же мне все это надоело...Господи...

Она медленно сползла вниз по стене, обхватив голову руками. Подведённая тушь полилась грязными ручьями по щекам, оставляя широкие чёрные полосы. Задравшееся платье совсем уж постыдно оголило стройные, чуть полноватые бедра, заставив меня в очередной раз покраснеть.

– Каждый раз одно и то же...Квартира по наследству...Сколько их уже было таких? Знаете, товарищ лейтенант, в них даже дышать тяжело....Запах покойника витает внутри, будто туман...Ладан....Всегда...Ладана и слез....

– Товарищ...– растерялся я, стоя прямо перед ней, наблюдая над этим откровением сверху вниз.– Товарищ...К-ко-...Валентина...Валя...– я присел рядом, чтобы не стоять столбом.– Не плачьте...

Коснуться её в этот момент было бы наивысшим счастьем, о котором я ещё пять минут назад не мог и мечтать, но я с трудом совладал с собой и отдернул уже потянувшуюся было ладонь.

– Товарищ Мазо застрелился почти два месяца назад. Его жена Валерия Львовна осуждена на десять лет лагерей, как «враг народа» примерно в это же время...Никакого запаха тут не будет.

Я встал в полный рост и подошёл к двери. Пошарил рукой под узким половичком, постеленным, чтобы гости могли вытирать ноги. Ключ был на месте. Распахнул двери, затаскивая чемодан внутрь. За всем этим Валентина наблюдала заплаканными, но заинтересованными глазами.

– Ничего!– вдохнул глубоко я.– Пыльновато немного, а так никакого ладана...

– Спасибо...– осторожно, держась за стенку, приподнялась жена моего нового начальника.– Извините, пожалуйста...

– До свидания!

Если бы я ещё чуть-чуть задержался бы там, то не уверен, чтобы мне хватило бы самообладания не броситься к её ногам, как мальчишке.

– Извините...

Её голос ещё звучал у меня в ушах, когда я, перепрыгивая через ступеньку, мчался вниз, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. Я ощущал кожей её взгляд, сверлящий мне спину, но не мог надеяться на то, что мне когда-нибудь достанет силы обернуться ему навстречу.

ГЛАВА 2

Сосредоточиться не получалось...Работа валилась из рук вместе с кипами бумаг, разбросанными в беспорядке по рабочему столу. Секретарь гневно листал какой-то первый попавшийся на глаза отчёт от негласного сотрудника одного очень уважаемого Харьковского НИИ, работающего на оборонку. Чиркал синим карандашом особенно непонравившиеся ему моменты, выбранные чуть ли не наугад. Сосредоточиться на неровных буквах тонкого, будто нитка почерка не выходило.

Он отложил бумаги в сторону и снял очки, устало потёр глаза. Шум в ушах усиливался. Почему все сложилось именно так, как сложилось? Сначала был Мазо...Вечно первый, вечно на коне, вечно впереди...К нему Нестор Петрович Власенко прибил ещё в начале революции, когда тот был один из боевых лидеров харьковской партийной ячейки большевиков. Молодой парень в замызанной кепке, доставшейся по наследству от отца и много раз залатанных шта-

нах он с головой окунулся в этот таинственный мир конспиративных квартир, эксов и прочей революционной романтики. Пару раз его даже задерживали, пытались сослать, но он снова сбежал, находил своего учителя Мазо и продолжал свою кипучую деятельность.

И так, до самого семнадцатого, потом революция, гражданская, где Мазо был назначен комкором, а Власенко стал начальником его штаба, впервые получив прозвище «секретарь». Они не были друзьями никогда... Соломон относился к нему, как предмету интерьера, мебели, который в хозяйстве необходим, без которого невозможно обойтись, но который совершенно незаметен в обыденной жизни.

Прошла гражданская война... Партия отправила товарища Мазо на трудную и ответственную службу по борьбе с контрреволюцией. И тут Секретарь проявил себя с самой лучшей стороны, взяв на себя весь ворох бумажной работы по оформлению протоколов допросов, ордеров на обыски и прочей бюрократической волокиты, снова оставшись неоцененным в своей старательности.

Нестор Петрович попрежнему жил в старой коммунальной квартире с больной матерью, сестрой и её двумя детьми от первого брака. Никаких благ, манной небесной сыпавшихся на голову его начальника, он так и не приобрёл, и однажды, придя домой, выслушал целую лекцию от рассерженной сестры:

– Вот ты, Нестор, – твердила она, – как был дураком, так и остался! Вон, твой разлюбленный Мазо, уже, как комиссар третьего ранга, квартира у него, личная машина. Лерка – жена его в бриллиантах, да норковых шубах ходит, а ты? Чего добился ты своей верноподданнической работой? Геммороя? Или проблем с сердцем? Я не говорю о себе, по сути я тебе чужой человек и мои проблемы тебя не касаются, но вот то, что при такой должности твоя мать ютится в маленькой коммуналке с десятью соседями, это, извини меня, самое настоящее форменное свинство! Ты хронический неудачник! Вечно второй! И быть тебе первым никогда не суждено...

Именно, пожалуй, тогда, этим разговором сестра Нестора Петровича Власенко занесла в его душу зерно сомнения, которое со временем стало лишь разрастаться, сея раздрай в голове верного ленинца. А не права ли она? Неужели не достоин Власенко настоящей власти? Неужели не заработал за всю свою жизнь проживание в комфортных условиях? Чем Мазо лучше его? Тем, что в какой-то период оказался главнее? Сумел возглавить, а не плестись следом?

Это простая мысль долго не давала ему покоя... Как и положено, такого склада людям, он втихомолку строил планы мести, мечтал о том, что однажды Мазо переведут на другую более высокопоставленную должность в Москву, и на предложение поехать туда с ним, он, Власенко гордо откажется, предпочтя должность начальника харьковского УНКВД.

Но проходили дни за днями, месяц за месяцами, а Мазо никуда не переводили. Секретарь вечно оставался Секретарём, только теперь это положение вещей его нешуточно раздражало, став чуть ли не маниакальной идеей. Он стал много выпивать, чего раньше за ним никогда не наблюдалось. Каждый вечер Нестор Петрович оставался у себя в приёмной, ждал, когда все из управления разойдутся по домам, нацеживал себе стакан водки и залпом выпивал, не желая идти домой, чтобы продолжать слушать надрывные и нудные лекции сестры.

Все изменилось, когда в Москве к власти пришёл товарищ Ежов, начались чистки госаппарата, и проживание на десяти квадратных метрах с семьёй из пяти человек стало для Секретаря чуть ли не заслугой. На богатство и роскошь, окружающих нынешних аппаратчиков стали коситься недобрым взглядом, подозревая во всех смертных грехах. Особенно не жаловали евреев... «Тройки» зверствовали не только в Харькове, но и по всей Украине. Расстрелы по ложному доносу или навету стали обычным делом. Сколько таких дел прошло через руки Власенко? Сотни? А может быть тысячи? Каждый хотел урвать себе кусок получше, каждый утопить ближнего своего... Заваленные делами «тройки» не хотели даже разбираться, подма-

хивая приговоры один за другим, как самый настоящий заводской конвейер. Сосед мог донести в НКВД на своего соседа по коммунальной квартире, чтобы получить его жилплощадь, декан университета на ректора, чтобы получить его должность, продавец универмага на своего директора, чтобы скрыть растрату. И тут Власенко вдруг понял, что во всей это неразберихи у него появился шанс наконец-то стать первым!

Старую ленинскую гвардию, делавшую революцию в девятьсот семнадцатом убрали. Троцкий, Зиновьев, даже такие известные деятели теряли свои головы и посты, не избежав чистки. Что уж говорить о Мазо? Еврее, занимающим такую высокопоставленную должность. Евреям, нет места в госаппарате! Еврейские врачи сгубили Ленина, убили товарища Кирова...

Но действовать надо было осторожно... Именно поэтому секретарь попрежнему исполнительно выполнял все поручения начальника управления, кланялся, улыбался, лебезил, восхищался, решив начать действовать через жену комиссара третьего ранга.

Валерия Мазо была урождённой полячкой, в девичестве Ланевская, она обожала дорогие наряды и красивую жизнь. Как бывшей польской паночке, ей пришлось перестраиваться, пристраиваться к новому укладу жизни. И не всегда это у неё здорово получалось. По данным Секретаря товарищ Мазо даже держал прислугу у себя дома, что было совсем уж возмутительным для героя гражданской войны и революции обстоятельством.

Именно об этом Власенко и выразил обеспокоенность в письме, отправленном в наркомат внутренних дел СССР. Мол, в гражданской позиции и верности делу партии товарища Мазо мы не сомневаемся, но вот его жена... Сигнал в наркомате восприняли правильно. Через пару недель пришёл приказ установить негласное наблюдение за женой комиссара третьего ранга, а ещё через два дня постановление об аресте. Негоже жене красного командира, главного чекиста Украины разгуливать по городу в дорогуших нарядах, да разъезжать в служебном автомобиле по магазинам. Негоже!

В чем был виноват Мазо? Ни в чем... лишь только в том, что слишком сильно любил свою паночку. Секретарь довольно потирал руки! Выбить почву из под ног врага – это уже почти победа! С некоторых пор Соломона он стал воспринимать именно так, а никак иначе. Только враг! С этой мыслью он засыпал и просыпался каждый день, но продолжал мило улыбаться на ежедневных совещаниях и подобострастно кланяться, когда его работу благосклонно хвалили.

Однако, он просчитался. Слабое сердце Мазо не выдержало даже первого удара. Когда Власенко обнаружил труп своего начальника у него в кабинете, ничего кроме глубокого удовлетворения он не испытал, даже грусти от того, что вместе с этим бородатым хмурым евреем уходила большая часть его жизни, становясь историей. К черту историю! К черту прошлое! Вот теперь-то он заживёт... Кто, как не он, второе лицо в Управлении должен, просто обязан возглавить его?

Но проклятые москали все снова переиграли. Его оставили исполняющим обязанности, а через месяц прислали нового начальника управления внутренних дел, ещё молодежового амбициозного майора? Это была пощёчина... пощёчина, от которой Нестор Петрович до сих пор не мог толком оправиться. Сегодня этот Кононенко... Нет... Коноваленко должен был прибыть и принять дела.

Секретарь снова одел очки и бросил взгляд на раскрытое личное дело, лежавшее на краю стола, чуть поодаль от остальной горы документов.

– Коноваленко Андрей Викторович, старший майор государственной безопасности, – прочитал он вслух, глядя в округлое лицо с большими внимательными глазами под нахмуренными бровями. – Кто же ты такой есть, а?

В который раз Секретарь перелистнул его личное дело, в который раз попытался вчитаться в короткие строки его биографии. Слабые места Мазо он знал, этого молодца нет...

Коноваленко Андрей Викторович 1900 года рождения 26 января Харьковской Губернии Российской империи. Из семьи рабочих. Мать железнодорожница, отец неизвестен.

Красным карандашом на полях какого-то листочка Секретарь отметил это странное обстоятельство. Если покопаться, то обязательно можно раскопать некую информацию про этого неизвестного отца майора. А вдруг его папашка был контрой или хуже того из дворянского сословия? Имеет ли моральное право возглавлять НКВД области, республики такой человек?

Власенко улыбнулся этой детали. Как он умудрился не отметить первый раз такого. И... что там дальше.

В двадцатом году поступил на службу РККА. В 1921 году закончил курсы младшего комсостава и был направлен для прохождения дальнейшей службы в Московский военный округ. Через три года поступил на курсы старшего комсостава, переводом ушёл на службу в НКВД, где за несколько лет сделал себе головокружительную карьеру, раскрывая самые громкие из преступлений, правда не политического, а скорее бытового характера. Так, на его счёт поимка «измайловского маньяка», расчлняющего своих жертв, разгром банды «красных галстуков» и ещё несколько громких дел, сделавших ему известность и позволивших стать одним из крупных и серьёзных работников органов государственной безопасности.

Тут и зацепиться было не за что... Идеальный чекист, герой без страха и укрепа, грудью встающий на защиту молодого социалистического государства в борьбе, как с внутренними, так и внешними врагами.

А что с личной жизнью?

Власенко перевернул пожелтевший немного помятый листок, где на черно-белой фотографии была изображена красивая светловолосая женщина. Открытое лицо, тонкие губы, своеобразный носик, серо-голубые глаза и непослушные кудряшки, спускающиеся волнами почти до самых плеч. Секретарь повертел фото в руках и отложил в сторону. Пусть пока полежит... Товарищ Мазо тоже был героем без страха и упрека, пока не стал слишком любить свою красавицу жену. Может и у этого такая же слабость?

Женат. Жена из семьи военных. Отец – служил в исправительных царских учреждениях, погиб.

А вот это уже интересно... Снова Нестор Петрович радостно чиркнул на полях блокнота очередную заметку. Дочь царского жандарма – жена виднейшего деятеля НКВД! Резонанс! Кошмар!

В девичестве Верникова Валентина Владимировна. В данный момент не работает. 1904 года рождения. В партии с 1923 года.

Дети... Глеб Коноваленко, 6 лет. Воспитывается бабушкой.

– Красивая баба... – оценил, цокнув языком Власенко. Настроение поднялось. Теперь он хотя бы нащупал ниточки, чтобы бороться с новым руководством. Мысль о том, что все рухнуло, ушла. Теперь исполнение его мечты – стать первым – лишь отодвигалось на некоторое время. Идеальных людей не бывает, даже у этого Коноваленко, если покопаться, найдётся масса скелетов в шкафу, о которых он предпочёл бы забыть, стоит лишь только глубже копнуть.

Секретарь собрал личное дело обратно в папку и любовно погладил жёлтую шероховатую бумагу.

– Ничего, Андрей Викторович, и с вами мы повоюем... – дверь в кабинет распахнулась, как от хорошего пинка. Стукнулась о коробку, так что задребезжали стаканы на столе Власенко.

– Какого черта! – рявкнул он, приподнимаясь на удобном стуле, к которому за период со смерти Мазо уже успел привыкнуть.

– Нестор Петрович... – за среднего роста офицером в идеально отглаженной майорской форме забежал его помощник лейтенант Конопатов.

Коноваленко остановился на пороге, критически осмотрел помещение. Остановил свой взгляд на Власенко, замершем в кресле, словно застигнутым на месте преступления, и удовлетворенно кивнул.

– Старший Майор Государственной Безопасности Коноваленко Андрей Викторович прибыл по месту службы, чтобы возглавить Управления Наркомата Внутренних Дел по Харьков и Харьковской области. Темновато тут у вас...

Тяжёлые зеленее шторы, плохо пропускающие свет, мгновенно были раскрыты предателем Конопатовым, бросившимся исполнять поручение майора, как верная собачонка. Секретарь презрительно скривился, но быстро справился с собой, натянув на лицо самую милую из всех своих улыбок. Другого от этих лизоблюдов он и не ожидал.

– Капитан Госбезопасности Власенко Нестор Петрович временно исполнял обязанности начальника управления до вашего назначения, – кивнул он, выбираясь из-за стола, – вот... работал так сказать... – Секретарь развёл виновато руками, извиняясь за бардак на рабочем столе.

– Отлично! Вы позволите? – Коноваленко сделал несколько уверенных шагов к столу, кивая на занятый Власенко стул.

– Конечно – конечно! О чем речь? – Секретарь осторожно выбрался из-за массивного дубового стола, не забыв прихватить с собой свой блокнот с пометками из личного дела. Замер у двери рядом с Конопатовым, ожидая дальнейших указаний.

Майор оказался именно таким, каким его представлял Власенко – наглым, самоуверенным и властным. Ни здрасте тебе, ни до свидания, даже руку не пожал, как будто перед ним вошь барачная... Чтобы не стоять истуканом и молчать, Секретарь аккуратно поинтересовался:

– Как добрались, товарищ майор? Я посылал встретить вас на вокзале и отвести на служебную квартиру человека...

– Благодарю, все замечательно. Этот лейтенант...

– Клименко! – радостно подхватил Конопатов.

– Да... Клименко сообщил, что в городе орудует банда грабителей, украдены государственные денежные средства, на уши подняты милиция и наше управление?

Секретарь с горечью отметил слово наше... Без году неделя, а туда же... Наше! Клименко – болтливая скотина, все донёс... Но вместо всего этого, мигом пронёсшегося у него в голове, Власенко вытянулся в струнку и доложил:

– Так точно! Банда орудует! Ищем! Пока безрезультатно...

– Какие-то неуловимые они... – шмыгнув носом, как школьник-переросток Конопатов. – Постреляли конвой и скрылись, как под землю провалились.

– Вот с них-то мы и начнём нашу работу, – азартно потёр руки Коноваленко, – докладывайте товарищ капитан, что у нас на них есть?

ГЛАВА 3

Молодой человек шёл по скверу, кутаясь в добротный, хорошо сшитый пиджак и надвинув глубоко на глаза фуражку с широким козырьком. Он изредка посматривал по сторонам, оглядывался назад, словно опасался слежки, долго кружил по переулкам и дворам, чтобы проверить на предмет «хвоста», несколько раз менял резко маршрут, даже садился на трамвай, а потом возвращался назад. Наконец, убедившись, что все в порядке, он завернул за угол дома номер тридцать два на проспекте Ленина и скрылся в тёмной подворотне, будто и его не было.

В грязном подъезде воняло мышами и табаком. На грязном лестничном пролёте тлеял чей-то окурок, забытый жильцами. В углу под лестницей взгромоздился старый, ещё дореволюционный диван с вылезшими из-под потёртой обивки пружинами. На первом этаже играл негромко граммофон, выводя какой-то старый плаксивый романс.

Молодой человек огляделся по сторонам и постучался в квартиру, откуда доносилась музыка. Старая дверь не выдерживала никакой критики, была местами в трещинах покосившаяся, со щелью внизу, из-за неё слышались пьяные выкрики.

Видимо его не слышали из-за шума. Он постучал сильнее, из-под кепи мелькнул злой напряжённый волчий взгляд. По ту сторону раздалось шарканье ног, скрипнул отпираемый замок.

– Чего тарабанишь? Не слышишь люди отдыхают?– на пороге стояла пьяная девица в старом потёртом халате. Длинные волосы чуть ниже плеч были игриво распущены. Распахнутый халат не скрывал большую слегка обвисшую грудь четвертого размера и багровый засос на ней. Ростом она была почти, как парень, крепко сбита, широкобедрая и пьяная в хлам.

– Кол тут?

– Какой такой кол? Кол у тебя между ног, дорогой!– пьяно ухмыльнулась девица, похабно похлопав себя там, где по её мнению он у него должен находится.

– Мне нужен Кол?

– Да пошёл ты, урод! – сплюнула девица ему под ноги.– Иди покуда милицию не вызвала...

Парень шагнул в квартиру оттеснив в сторону пахнущую сексом и алкоголем женщину. В коридоре стоял папиросный угар. Откуда-то слева доносился игривый женский смех.

– Стоять! Ты куда?– спохватилась девица, ринувшись за парнем, но резко замерла, когда в затылок непрошеному гостю упёрся револьвер.

– Далеко собрался, фраер?– раздался над его ухом вкрадчивый хриплый мужской голос. Узкий ствол оружия неприятно холодил бритый затылок. Парень медленно обернулся, подставив под пистолет свой лоб. Перед ним стоял крепко сбитый мужик среднего роста в кожаном пиджаке, почти таком, какой носили чекисты во времена гражданской. Тёплый шерстяной свитер под горло не скрывал синюю татуировку ящерицы, заползшую прямо к подбородку. Суровые внимательные глаза рассматривали гостя, словно решая, как ему быть, застрелить сразу или всё-таки дать сказать хоть слово. Парень вздрогнул, но устоял под этим натиском вора.

– Мне нужен Кол...– тихо проговорил он, сверля взглядом татуированного.

– Ящер, кто там?– из комнаты в полумрак коридора вышел почти голый мужчина, плечи которого украшали синие купола церквей, искусно выбитые от живота и до груди. Безволосая грудь с буграми крепких мышц тяжело вздымалась, словно её хозяин только что пробежал марафон.

– Фраер ломился на хазу перепуганный, заладил Кола ему подавай!– пояснил тот, которого назвали Ящерицей, грубо толкнув дулом парня в лоб.

– Попридержи коней, Ящер,– улыбнулся парню, как своему старому другу, мужчина,– это наш приятель из НКВД гражданин начальник Конопатов...

– Я пришёл за совей долей!– уже безбоязненно повернулся к вору лейтенант НКВД, оставив позади себя мужчину с оружием.

– Шурка!– окликнул затихшую у двери девицу Кол.– Брысь в комнату, у нас серьёзный базар намечается...

Шалава кивнула и, держась за стеночку, чтобы не упасть, проследовала туда, где не стихала музыка и смех. Поймав взгляд вора, за ней, хмыкнув недовольно, убрав оружие за пояс, прошествовал Ящер.

– Теперь базлай...

– Вчера вы сняли кассу у ГосПрома... Город на ушах стоит,– недовольно поморщился Конопатов,– зачем было валить всех?

– Ты меня учить вздумал, товарищ начальник, как дела делаются?– нахмурился Кол, его рука небрежно опустилась вниз, как можно ближе к сапогу, где несомненно пряталась финка. Сердце Конопатова испуганно прыгнуло в пятки.

– Теперь вас ищут все, и рано или поздно найдут... Мне нужна моя доля! И я постараюсь выйти из игры.

– Из игры?– нахмурился Кол, секунду раздумывая над сказанным. Он был опасен, опасен, как гремучая змея, которую Конопатов вздумал подёргать за хвост, но выбора у него не было. Он слишком сильно увяз в этой истории и очень хотел выбраться, даже не понимая, что назад для него пути нет. Маленький, глупый мальчишка, заигравшийся во взрослые игры. Когда его сестра Клавдия предложила помочь одному хорошему человеку информацией за неплохое денежное вознаграждение, он, лейтенант госбезопасности даже представить себе не мог, во что это вскоре выльется. По сути, он стал осведомителем самой опасной банды в городе Харькове, которую искали все. Несколько раз ему приходила в голову мысль написать явку с повинной и признаться во всем, но сочувствия от советского правосудия ждать ему вряд ли бы приходилось бы в таком случае, как, впрочем, и от воров, что там, что здесь расклад был один...Смерть. Сегодня, увидев нового начальника управления, он впервые серьёзно решил покончить со всем этим. Забрать свою долю и сбежать, куда? В Польшу, Румынию? Мало ли мест, где удачливый молодой парень при деньгах может устроить свою жизнь?

– Да, Кол, хочу закончить все и смотаться отсюда далеко и желательно надолго, чтобы ни одна тварь меня не нашла, как бы хорошо не искала...– пылко заверил вора лейтенант.

Тот искренне рассмеялся. Смеялся долго, словно парень рассказал, что-то очень уж смешное. Он-то точно знал, что найдут везде, и нет такого места, где тебя не достали бы органы правосудия. Разве что на каких-нибудь островах в далёком океане?

– Долю это хорошо...Долю получишь, как только обстригаем ещё одно дельце...

– Кол...

– Я так решил! – отрезал вор, ухмыляясь.

– Найдёшь нам что-нибудь посолідней...чтобы разом закрыть вопрос со столицей Украины. Я сам чувствую, что тесновато мне стало в этих краях...Тесновато,– вор потянулся, будто бы показывая насколько тесно ему стало здесь, а потом в его руках что-то блеснуло. Конопатов лишь успел моргнуть своими огромными бестолковыми глазами, как у его шеи оказался остро заточенный нож с узким, как шило лезвием. Он неприятным холодком коснулся кожи на кадыке и скользнул к артерии.

– А потом мы поговорим насчёт твоей доли... – прошептал ему на ухо Кол.– Ты меня понял?

– Да...да...– кивнул Конопатов.

– Что-то ещё?– вор рывком освободил лейтенанта из своего смертельного захвата, оттолкнув к двери.

– У нас новый начальник управления...серьёзный мужик! Не то, что Власенко...Этот волчара почище тебя,– потирая порезанную шею, выкрикнул Конопатов,– он специализируется на таких бандах, как твоя.

– Погоняло?

– Что?– парень никак не мог привыкнуть к этому необычному для русского уха тюремному жаргону.

– Фамилия его как?

– Коноваленко...Майор Коноваленко...Прибыл только сегодня, но уже навёл страху на все управление.

– Интересно девки пляшут...Ты собери и на него всю доступную информацию. Может стоит приглядеться к нему повнимательней.

– Опасно это, Кол...очень опасно! Мужик видно битый...– покачал головой, прикусив губу Конопатов.

– А никто не говорил, что будет легко, гражданин начальник!– осклабился вор, потирая татуировки а животе.– Завтра тебя самого найдут, понял? Меня здесь больше не ищи! Не будет меня больше на этой хазе! Соскочу отсюда...

– Понятно,– кивнул парень, двигаясь к двери.

– Покедова.

За спиной лейтенанта дверь старой, ещё дореволюционной квартирке со скрипом захлопнулась. Он облегчённо выдохнул, прижавшись спиной к кирпичной стене, не заботясь о том, что облупившаяся краска приклеится на почти новый пиджак.

Холодный, почти ледяной пот градом катился по его спине. Мокрая рубашка прилипла между лопаток и неприятно холодила кожу. Сердце испуганно бухало в груди, отдавая громко-подобным стуком где-то в кончиках пальцев.

Будь проклят тот день, когда он связался с этой бандой, с Колом, со всеми этим жуликами! Будь проклята его сестра, которая устроила их первое знакомство...

Конопатов шагнул с трудом вниз по лестнице, словно старик, держась за перила. Он прекрасно помнил тот морозный ден, когда они будто бы случайно встретились на улице.

– Помнишь, Василёк, я тебе говорила, что можно неплохо подзаработать?– улыбнулась она, сделав невинные глаза, встретив на улице крепко сбитого мужчину в дорогой модной одежде и золотыми зубами.– Это и есть тот человек, который поможет...

И с того момента, с той памятной встречи в парке Тараса Шевченко все и началось... Сначала Кол просил просто предупреждать об облавах проводимых милицией города, потом о перевозках особо ценных грузах, маршрутах их следования и об охране.

Когда его банда совершила первый налёт, только тогда Конопатов понял во что ввязался, но назад пути уже не было. Кол ему платил деньги, немалые по нынешним временам деньги, и он их тратил, выдавая ценную оперативную информацию, а коготок увяз, всей птичке пропасть...

Молодой лейтенант выдохнул, выбравшись из смрадного подъезда. Из окна на первом этаже слышались надрывные мелодии граммофона и женский смех. Он неприязненно взглянул на открытую форточку и медленно побрёл по улице, низко надвинув на глаза клетчатое кепи.

ГЛАВА 4

Будильник зазвенел сегодня почти на полчаса раньше. Я пошарил рукой на тумбочке возле своей панцирной кровати в поисках источника этого надрывного звука, перевернул тяжёлый агрегат одним неловким движением, заставив на полу дребезжать его ещё громче.

– Мам...– протянул я, не открывая глаза. Сегодня всю ночь мне снился сон с Валентиной. Мы гуляли с ней на берегу реки, вокруг цвели какие-то полевые цветы, а она такая лёгкая, невесомая, улыбчивая в своём коротеньком ситцевом платье срывала их горстями и подбрасывала вверх, звонко смеясь. А в тот момент, когда мы оказались совсем близко друг другу, когда у себя на лице я почувствовал её дыхание, готовый впиться в эти жадные губы жарким поцелуем, прозвенел подлый будильник, требуя немедленно собираться на работу. Сон был настолько ярким, сочным, до краёв наполненный красками, что даже открывать глаза было лень.

– Мам...– позвал я мать, с которой жил в небольшой, но уютной комнате на ХТЗ.

– Чего кричишь?– зашла моя старушка в свежем платке на голове и чистом переднике, согласно традиции встав намного раньше меня, чтобы приготовить завтрак, вытирая руки о мокрую тряпку.

– Где этот будильник?– простонал я, накрывая по-детски голову подушкой.– Почему взрослые люди ходят на эту дурацкую работу? Почему нельзя, как в детстве, остаться дома... Прогулять... Сослаться больным?

– Ох, Сашка, Сашка...– мать нагнулась вниз, заглянув куда-то под кровать, пошарила там рукой и всё-таки отключила дребезжащий агрегат, разбудивший, наверное, всех соседей.– Потому что труд сделал из обезьяны человека... Не будешь работать превратишься в какого-нибудь тунеядца или фарцовщика.... Что тогда?

– Тогда тюрьма...– грустно выдохнул я, окончательно проснувшись.

– Вот и весь сказ,– поставила на место часы мать,– иди есть, я на стол уже все поставила.

Мигом выскользнув из-под одеяла, я потянулся разминая затёкшее тело. Несколько раз наклонился, шлёпая босыми ногами по дощатому полу, изобразил некое подобие зарядки.

– Иди уже!– заворчала мать.– Остынет ведь!

Все ещё с полузакрытыми глазами я по запаху выбрался на кухню, где уже стояла чашка наведённого крепкого чая и огромный бутерброд. Соседи ещё не проснулись, поэтому можно было спокойно наслаждаться одиночеством и думать о Валентине.

Почему она мне так запала в сердце? Что в ней такого особенного, что не дает мне забыть эти глаза и завораживающий голос? Склонный с детства к самоанализу я попытался разобраться, но ответа так и не нашёл. Меня необъяснимо тянуло к ней, словно магнитом, что было уже слишком странно, учитывая тот момент, что виделись мы с ней только раз, а разговаривали и того меньше.

– Ты сегодня поздно?– спросила мама, убирая со стола грязную посуду.

– Как пойдет, сама знаешь!– я торопливо запихал в рот остатки бутерброда, поблагодарив её за завтрак.– Вчера прибыл новый начальник управления нашего из самой Москвы! серьёзный дядька...Как себя поведет неизвестно. Так что, если задержусь, то не переживай, ложись спать.

– Ох, работа твоя эта...

– Нормальная работа!– обнял я её, целуя в щеку.– Отличная, я бы сказал! Жуликов и врагов трудового народа ловить! Почетная...

– Иди уж! Почетный...– отмахнулась шутливо мать, давая возможность мне быстренько собраться, напялив отглаженный мундир, висящий в моей комнате на стуле рядом с кроватью. Своего отца я практически не знал. Они с матерью разошлись, когда мне было всего года три. После этого, он был периодически наездами у меня в гостях, но ничего кроме скандалов от этих его приходов я не запомнил. Комната эта досталась нам от дедушки с бабушкой, жили мы в ней давно, вдвоем, мать-пенсионерка заботилась обо мне, как могла, а я трудился, надеясь на то, что когда-нибудь накоплю и куплю нам с ней нормальный отдельный дом, как показывают на киносеансах.

– Я улетел!– прокричал я ей от двери, готовый к выходу.

– Господи, спаси и сохрани!– перекрестила она меня в след, хотя вроде как сейчас это было и не принято. Как комсомольцу, да еще и работнику НКВД мне бы следовало поговорить с ней, как с несознательной гражданкой, но переубедить старушку получилось бы вряд ли, а вреда от ее знаменья никому не будет это уж точно, главное, чтобы соседи не донесли куда следует, чтобы таким образом попробовать расширить свою жилплощадь, но они вроде ребята проверенные, подвести не должны. Мы часто с ними раньше собирались вместе одной большой компанией за столом во дворе, пели песни, играли на гармонии, шутили, смеялись и пекли картошку в жарких красноватых углях, но теперь последнее время это общение сошло на нет... Я иногда замечал на себе косые взгляды тети Иры или ее зятя, когда приходил в форме с работы. Они опасливо смотрели на меня, боясь сказать чего-то лишнего. Да...Разъединение это произошло именно тогда, когда я после армии устроился служить в НКВД. Почему-то эти четыре буквы наводили настоящую панику на моих соседей. Молодой зять Олежек, живущий с нею и старшей дочкой на одной жилплощаде здоровался со мной сквозь зубы. Подруга детства Танька смотрела мне в след осуждающе, но я старался относиться к этому, как можно проще, просто люди не знают, каким важным делом занимаются в нашей организации, сколько врагов скрывается под личиной благопристойных граждан, какие гадости они творят, иногда занимая самые высокие посты. Одно дело Тухачевского чего стоит? Сколько в высших эшелонах власти нашлось троцкистов и противников режима? А ведь маршалы, генералы? Чего уж говорить о простых людях...

На улице пахло дождем. Земля умытая с ночи парила, поднимаясь клубами мутного плотного тумана. Прогрохотал трамвай по стыкам рельс, подав длинный предупреждающий гудок.

Мысленно я пожалел о том, что мне, как младшему чину не положена личная машина. Сейчас бы сел в нее, да покатыл бы по утренним, еще не проснувшимся зеленым улицам Харькова, наблюдая в приоткрытое окошко, как прохожие спешат на работу. Но нет... Трамвай пришлось ждать почти двадцать минут. Потом суметь влезть в него, протиснувшись в толпе куда-то к середине площадки.

– Молодой человек, оплатите за проезд!

– У меня проездной...– выдохнул я, пытаясь втиснуться между крупным солидным дядечкой в очках и такой же габаритной дамочкой с авоськой.

– А аккуратней нельзя!– выдохнула дама, но тут же осеклась, заметив мою форму.– Извините...

– Да, вот еще! Это вы меня простите, ведь это я...

– Нет, что вы, что вы!– покачала головой женщина, и в ее глазах я отчетливо прочитал нешуточный испуг.

Все дорогу молчали. Вокруг меня образовался некий вакуум тяжелого молчания, которого я, впрочем, не замечал, думая о Валентине. Что она сейчас делает? Чем занята? Может быть готовит завтрак своему мужу? Улыбается ему... Помимо воли, я ощутил нешуточный укол беспричинной ревности. Как будто я не знал раньше, что у нее есть муж!

– Вы выходите?– женщина с авоськой затопталась возле меня, подталкивая меня к выходу.

– Да, извините,– очнулся я от своих мыслей, продвигаясь в след за толпой.

Здание НКВД располагалась на главной площади города, по достоверным данным самой большой в мире. Огромное массивное, старинное многоэтажное здание стояло, будто памятник прошедшей эпохи царизма недалеко от маршрутов движения нашего трамвая. Я соскочил с подножки и весело насвистывая какую-то незатейливую песенку двинулся к открытым дверям, у которых стоял конвой с непроницаемым лицом.

– Саня! – окликнули меня сзади. Я оглянулся. Меня догонял Васька Конопатов, примерно мой ровесник, открытый общительный паренек, раньше состоявший на оперативной работе, но с самоубийством товарища Мазо – нашего прошлого начальника, ставший секретарем у секретаря!– А я кричу тебе, кричу, а ты будто не слышишь...

Слегка запыхавшийся догнал он меня, покрасневший, с черным кожаным портфелем под мышкой.

– А ты все еще бумагу мараешь!– кивнул я на портфель.

– Да куда там!– отмахнулся Василий.– Наконец-то сдыхался... Теперь начальник новый, Власенко снова секретарь, а я снова к вам, в опера... так сказать. В поле...

– Это намного интересней!– кивнул я. Мы никогда не были с Конопатовым друзьями, близко не общались, тем удивительнее было, что он вот так запросто решил ко мне подойти и заговорить. Такую перемену в его характере я объяснил просто, раз человек снова из небожителей возвращается в оперативную работу, ему хочется найти хоть какой-то контакт, который будет помогать ему на первых порах.

– Ты нового начальника видел? Говорят его встречать тебя посылал Власенко?– поинтересовался Конопатов, понизив голос до шепота.

– Как будто ты не видел,– отмахнулся я.

– Нет, я-то конечно... Он такой разнос Власенко устроил вчера! Мама не горюй!– рассмеялся Василий.– И делопроизводство ни к черту! И с бандитизмом не боретесь! И статистика у вас по врагам народа хромает! Нестор Петрович до сих пор, наверное, заикается...

– Суровый мужик,– согласился я.

– А, что же...– оглядевшись по сторонам, словно проверяя, подслушивает нас кто-то или нет.– Он сам или с семьей прибыл?

– Тебе-то что?

– Да, если с семьей, то надолго, а вот если один, то шашкой помахает, да укатит обратно в свою Москву, – прошептал Конопатов.

Почему-то мне стало неприятно от этого вопроса, словно в чужом грязном белье меня заставлял рыться Василь.

– С семьей и собакой! – огрызнулся я. – Доволен?

– Зачем ты так сразу... – пожал плечами Василий. – Я же просто так, интересуюсь...

Больше ни слова ни сказав, я вошел в здание, мимоходом махнув перед часовыми на вахте своей красной корочкой. Позади плелся, обиженно поджав губу, Конопатов, не понимающий почему этот простой вопрос вызвал у меня такую странную реакцию.

Да и я, пожалуй, и сам не мог ответить на этот вопрос. Скорее всего, теперь все, что было связано с Валентиной у меня вызывало поразительное чувство собственности, никак не связанного с приязнью или неприязнью к спрашивающему.

На пороге нашего кабинета нашего кабинета нас встречал встревоженный и немного нервный начальник отдела капитан первого ранга Жидков. Он поминутно вытирал пот со лба красивым носовым платочком домашнего шитья, краснел и тяжело дышал. При виде нас этот невысокий колобкообразный человек, больше похожий на директор продмага средней города, даже подпрыгнул на месте и гневно затопал каблуками форменных сапог.

– Где вас черти носят? – взревел он, потрясая кулаком правой руки. В левой у него находилась коленкоровая папка коричневого цвета с какими-то важными документами. С ней этот плешивый товарищ не расставался никогда, готовый в любой момент записать что-то важное или привести какую статистическую информацию.

– Товарищ...

– Я вам дам товарищ капитан! – заревел он, окинув меня гневным взглядом. – Конопатов? Ты чего там за спиной у него прячешься? Тоже опоздал...

– Я...

– Ты! На восемь назначено экстренное совещание у нового начальника управления, приказано прибыть всему оперативному составу управления, без опозданий... – ядовито добавил он, сверля меня злым взглядом.

– Без трех минут восемь... – пожал плечами я, кивая на круглые огромные настенные часы, висящие в конце этажа.

– Ты меня еще поучи, сопляк! – рявкнул Жидков, снова промокнув лысину. Видимо, в управлении наступало время больших перемен, если даже начальник оперативного отдела находился в таком нервном состоянии.

– Виноват, товарищ капитан первого ранга! – вытянулся я в струнку, сделав глупое по-военному бесстрастное лицо. – Исправлюсь!

– Идем, нас ждут...

Жидков поманил нас за собой на третий этаж, где располагался наш аппарат управления. Позади Конопатов облегченно выдохнул. Буря эмоций прошла мимо него, а весь удар пришлось принять мне.

Сюда на олимп харьковского управления НКВД мне приходилось подниматься лишь один раз, когда подписывал документы о переводе, поэтому на обстановку царящую вокруг я смотрел с явным интересом.

Из кабинета в кабинет сновали туда незнакомые мне офицеры. Нас, спешащих на совещание, обогнала девушка стенографистка с папкой такого же цвета, как у нашего Жидкова. С капитаном поздоровался какой-то усатый капитан. Приглушенный свет из-за зашторенных окон создавал напряженную, рабочую и немного таинственную атмосферу. Длинная красная

мягкая ковровая дорожка была идеально вычищена, от чего в самом ее начале я неловко затоптался, ловя себя на мысли, что было бы неплохо разуться.

Оглянулся на Конопатова, который тоже чувствовал себя слегка неловко. Осматривался по сторонам, словно находился в Эрмитаже, глядя на окружающие стены, украшенные дорожками картинами и скульптурами, как на произведения искусства в музее.

У кабинета начальника стояло два часовых, вооруженных двумя винтовками с примкнутыми штыками. Их я не знал, в отличие от постовых внизу. Взгляд отрешенный, лицо серьезное, того гляди и правда применит оружие по его прямому назначению. При нашем приближении. Один из них выдвинулся вперед, загородив нам проход.

– Начальник караула сержант государственной безопасности Митников. Ваши документы.

Жидков растерялся, засуетился, что-то забормотал себе под нос в поисках нужной бумажки.

– Секундочку... Где же она... Извините... Я...

Я впервые видел, чтобы могущественный начальник оперативной части управления НКВД так трясся перед простым сержантом. Это было настолько удивительно и необычно, что я испытал некое волнение и трепет, что было мне вовсе несвойственно. Да, в управлении действительно наступили другие времена.

– Ах вот она... – Жидков виновато улыбнулся и протянул скомканную телефонограмму начальнику караула. Сержант ее внимательно изучил, несколько минут читал, сверяясь с какими-то своими данными, записанными в блокнот. А потом отступил в сторону, уступая нам дорогу.

– Товарищ майор ждет вас! – по кивку его головы второй из караульных распахнул двери кабинет, впуская нас в холодный полумрак помещения. Не знаю уж почему, но и тут тяжелые зеленые шторы были задернуты. На столе горела одинокая лампа под зеленым круглым абажуром. Под этим неярким светом что-то писал всемогущий Секретарь товарищ Власенко. Он поднял на нас свои блеклые серые глаза и сухо кивнул на дверь, приглашая нас войти.

– Вас ждут...

И только сейчас я осознал, что меня слегка потряхивает от волнения. Не каждый раз простого оперативника вызывает на ковер столь высокое начальство. Особенно это страшно ощущать, когда не знаешь за пряники ты вызван или кнутом тебя огреют через всю спину с потягом, словно нашкодившего кота.

Выдохнув, будто прыгая в глубокую воду, Жидков шагнул в кабинет, где сидел уже знакомый мне товарищ Коноваленко. Он работал над какими-то бумагами, что-то внимательно читая. Вид его был уставший, словно предыдущую ночь спать ему не пришлось, а может так оно и было на самом деле. Я с удовольствием отметил, что выглядит он намного старше своей жены. Красавица и чудовище... Подумалось мне, и я инстинктивно расправил плечи, будто желая выглядеть лучше, чем мой придуманный соперник.

– Капитан госбезопасности первого ранга Жидков по вашему приказанию прибыл! – бодро доложил наш командир, выпятив грудь колесом, насколько это было возможно с его колобкообразной фигурой.

– Присаживайтесь, товарищи, – кивнул Коноваленко, кивая на соседние стулья. Бумагу, что он читал, начальник управления отложил, зато достал из папки на столе новый документ, подав его нам, – читайте...

Жидков чуть дрогнувшей рукой взял бумагу и зашевелил губами. Потом передал ее сидящему рядом Конопатову, и лишь через вторые руки она досталась мне.

Начальнику Управления Наркомата Внутренних Дел по Харьков и Харьковской Области товарищу Коноваленко А.В. строго секретно. В сложившейся ситуации в столице Украины, разгуле бандитизма приказываю принять меры по сохранению валютно-золотого резерва рес-

публики Украина. Обеспечить в недельный срок выполнения мероприятий по профилактике и искоренению бандитизма в городе Харькове и его районах, а так же принять меры по перевозке валютно-золотого резерва в здание Управления НКВД до поступления особого распоряжения наркомата.

Нарком НКВД тов. Ежов.

– Что скажите, товарищи?– поинтересовался Коноваленко, когда все прочитали телеграмму до самого конца. Жидков облизнул полные губы и вытер пот со лба, который теперь катился по его плешивой голове крупными градинами.

– Это...э...это серьезное мероприятие,– проглотил вставший комок в горле Жидков, отдавая назад телеграмму из Москвы.

– Ответственность не менее серьезная ложится на нас, как на исполнителей данного распоряжения, поверьте мне..– Коноваленко устало потер виски, снимая усталость после работы с документами.

– Я внимательно изучил материалы дела по грабёжам. Оперативная работа по ним практически не проводилась нашими силами. Никаких данных нет! Как вы это можете это объяснить, товарищ Жидков?

– Я...Понимаете, товарищ майор! Грабежи и бандитизм – это сфера компетенции скорее милиции, чем органов госбезопасности. Вплотную этим делом мы стали заниматься только лишь вчера. Никакой информации наработать еще толком не сумели. Единственное, что мне стало понятно, что несколько организованных нападений на конвои перевозящие ценности это звенья одной цепи, дел рук одной банды...

– Замечательный вывод!Отлично! И это говорит мне начальник оперативного отдела республиканского управления! – ехидно улыбнулся Коноваленко.– Думаю, что такие вывод сделал бы и школьник...Что скажите вы, оперативные работники?– обратился он к нам с Конопатовым, который лишь опустил голову ниже, уткнувшись в столешницу. Пришлось отдуваться за всех именно мне. А что делать? Спрашивать что-то с Конопатова невозможно. Парень только из секретарей вчера к нам перевелся. Жидков трус, того и гляди сознание потеряет от грозного рыка нового начальника.

– Все нападения совершены при перевозке ценностей из одного хранилища в другое, в наиболее уязвимых местах маршрутов движения конвоя. Из этого легко сделать вывод, что банда точно знала маршрут перевозки и могла выбрать место для нападения. А откуда она могла знать маршрут? Только из первых уст. Кто-то осведомленный передает информацию банде...

– Уже лучше!– отметил Коноваленко, задумавшись.– Кто был осведомлен о маршрутах перевозки государственных ценностей?

– Милиция,– подхватил мою идею торопливо Жидков.

– Мы...– добавил Конопатов, слегка вздрогнув от звука собственного голоса.

– И госрезерв!– заключил я. – Где-то в этих трех организациях сидит «крот», которого нужно вычислить, через него есть шанс выйти на банду, ну или в крайнем случае предотвратить дальнейшие нападения.

– Отлично, товарищи!– похвалил нас Коноваленко.– Значит делаем следующим образом, товарищ Жидков...

– Я!– приподнялся на стуле капитан, у которого наступило чувство некоего облегчения, когда он понял, что никто прямо сейчас его расстреливать или снимать с должности прямо здесь не будет.

– Вы займетесь составлением планом перевозки золотовалютного резерва республики. К среде мне необходимо знать все...Вплоть до количества человек охраны и их послужного списка, а так же маршрутах перевозки и прочего.

– Слушаюсь, товарищ майор первого ранга!

– Товарищ Конопатов займется организацией упреждающего удара...

Василий непонимающе и удивленно поднял свои кустистые брови.

– Наверняка, у милиции есть данные, где в городе собираются преступные элементы, уголовная элита Харькова. Необходимо устроить сплошную облаву. Может кто-то видел из них что-то, слышал про такую удачливую банду. Работа кропотливая, но нужная.

– Есть!– обрадованно согласился Василий.

– Ну, а вам товарищ Клименко достается самое сложное...– улыбнулся майор.– Искать предателя!

Вскакивать я не стал, просто понимающе кивнул, удивляясь собственной наглости. Коноваленко при всех своих плюсах был мне глубоко неприятен. От одной мысли, что этой самой рукой он касался Валентины, которой крутил в пальцах карандаш, меня начинало трясти. Но вместе с тем, я понимал и то, что он является моим начальником и деться от этого обстоятельства некуда.

– Слушаюсь!– выдавил я из себя, опустив глаза в стол.

– Совещание окончено...Завтра прошу с результатами ко мне.

Коноваленко встал, давая понять, что прием окончен. После него осталось двойственное впечатление. С одной стороны я гордился тем, что мне поручили самую ответственную и важную миссию, а вот с другой...Господи, мне ужасно хотелось увидеть снова Валечку, и начинать свой розыск я решил именно с посещения ее.

ГЛАВА 5

После прошедшего совещания товарищ Власенко подождал пока все разойдутся и, лишь оставшись в кабинете в полном одиночестве, набрал заученный наизусть номер, состоящий из четырех цифр. Прозвучал в трубке длинный гудок, а потом молодой голос девушки оператора заинтересовался о цели звонка.

– Добавочный ноль пять,– сообщил ей Власенко, покусывая от волнения нижнюю губу. В столь высокие кабинеты он звонил редко, а если быть точным, то вообще первый и единственный раз сегодня.

– Соединяю...– опять три длинных гудка и через паузу в трубке возник суровый мужской голос.

– Слушаю вас...– сообщили на том конце.

– Добрый день, беспокоит вас товарищ Власенко из Харьковского УНКВД,– представился Нестор Петрович.

– Власенко? Не помню такого...Что нужно?

– Понимаете...Тут такая ситуация, что я не могу вам не просигнализировать, как коммунист, как ответственный товарищ о том, что творится в нашем управлении с приходом товарища Коноваленко...

– Ближе к делу...Вы же понимаете кому звоните.

Нестор Петрович замер с трубкой у уха и затих, прекрасно представляя последствия того, чем все может для него закончиться, если на том конце правительственной связи решат, что причина их побеспокоить была не достаточно веская.

– Понимаю, товарищ...

– Не надо имен...Говорите.

– Товарищ Коноваленко получил сегодня распоряжение о перевозке всех ценностей госрезерва республики в здание управления НКВД. Бросился его рьяно выполнять, тем самым поставив под угрозу сохранность данных ценностей. Считаю, что пока не поймана банда преступников, промышленяющих нападением на инкассацию, перевозка госрезерва осуществлять не стоит. Я, как коммунист, не мог остаться в стороне, увидев какую большую глупость совершает мой новый начальник, сообщил ему об этом, но он меня и слушать не захотел!

– Коноваленко значит... – задумались на том конце провода. Сердце тревожно забилося в груди Власенко. Сейчас или никогда! В их организации снимали погоны только вместе с головой, уж такая тут была собственная специфика. – И как вы хотите, чтобы наркомат отреагировал на данную информацию? – в голосе собеседника Нестора Петровича послышалась легкая насмешка.

– Я, как ответственный работник, член партии с 1928 года...

– Оставьте, эту ересь для юных пионеров... Организуйте негласное наблюдение за товарищем Коноваленко, – отдал распоряжение неизвестный голос в трубке, – если будет какое-то подозрение, то обязательно сигнализируйте нам, мы примем меры...

В трубке послышались короткие гудки, там, в Москве разъединились, а Власенко так и сидел с телефоном возле уха, пытаясь унять бешено колотящиеся сердце. Ему сегодня несказанно повезло, ведь этот разговор мог закончиться совершенно по-другому. И уже через пару минут из этого кабинета Нестора Петровича вывели бы в наручниках в неизвестном направлении.

Через силу он улыбнулся, глядя пустым взглядом куда-то в простенок.

– Нестор Петрович... – из кабинета Коноваленко вышел немного уставшим, прихрамывающим на правую ногу – болезненный след гражданской войны.

– Слушаю, товарищ майор! – Власенко нацепил на лицо одну из самых своих заискивающих улыбок, вскочил со своего места, внимательный и осторожный.

– На сегодня уже хватит работы, – сообщил ему Андрей Викторович, – мы и без того уже шестнадцать часов не выходили из этого здания, кажется, нам обоим пора отдохнуть. Мою машину к подъезду, а дежурному доложите, что я на телефоне дома. Пойду отосплюсь, хоть немного. Иначе сил совсем не осталось...

– Не бережете вы себя, товарищ майор. Вот Соломон Савельевич все так же... ночь, полночь все за бумагами, да за бумагами... А жить-то когда? – Власенко после сегодняшней маленькой победы не мог не позволить себе эту маленькую шпильку в адрес начальника.

– Спасибо за заботу, Нестор Петрович, – кивнул Коноваленко, поморщившись, прекрасно понимая намек своего личного секретаря, но не подав при этом вида, – как изведем всех преступников и врагов революции, так и отдохнем.

Начальник управления харьковского НКВД медленно вышел из кабинета, наградив Секретаря долгим пронзительным взглядом, который так же был понят именно так, как должно... Мол, мы тоже не лыком шиты, тоже все понимаем... Когда дверь за начальником закрылась, Власенко позволил себе расслабиться. Заискивающая улыбка медленно сползла у него с лица, как весенний тающий снег со стылой земли.

– Сука... – прошептал зло в пустоту Нестор Петрович, чувствуя, как ненависть к этому человеку растекается у него по груди горячей волной гнева. Коноваленко был очень опасным противником, которого стоило опасаться, в отличие от Мазо, который ему безгранично доверял и которого можно было легко провести на мякине.

Власенко взял трубку, набрав короткий номер отдела негласного наблюдения. Совсем недавно его начальник капитан третьего ранга госбезопасности Пуцко попал в очень неприятную ситуацию с валютными операциями. Все вскрылось, до суда чести он мог не дожить, в НКВД короткий разговор с пятнающими ее честь офицерами, но власти всемогущего Секретаря хватило, чтобы не только замять это дело, но и сохранить за Пуцко его погоны и пост. Он был ему обязан жизнью, а значит, готов выполнить любое поручение Нестора Петровича. Именно этим он и решил воспользоваться.

– На проводе, Пуцко! – после пары длинных гудков капитан отозвался на том конце провода.

– Это Власенко...

– Да, Нестор Петрович.

– В Москве обеспокоены тем, как устроился на новом месте товарищ Коноваленко. Мне только что пришло распоряжение из наркомата проверить нравится ли ему город, нет ли никаких проблем у нашего нового начальника, бытовых, семейных, рабочих... Мало ли что? Человек он новый, с тонкой душевной организацией, первому встречному жаловаться на жизнь не будет... А помочь товарищу в процессе адаптации мы обязаны, как вы считаете, товарищ капитан?

На том конце провода установилось гробовое молчание. Пуцко реально оценивал, чем ему грозит просьба всемогущего Секретаря, если негласное наблюдение провалится и все вскроется. Тогда точно придется только лишь стреляться в своем собственном кабинете, следуя примеру Мазо.

– Я...

– Вы, товарищ Пуцко, человек надежный проверенный, – торопливо, не давая опомниться, заговорил Власенко, – сами попадали в разные ситуации неприятные, но сумели доказать, что помыслы ваши чисты, а все поступки направлены на процветание нашего социалистического государства и его жителей...

Сволочной Секретарь все же напомнил, Пуцко, что кое-чем ему тот обязан. Начальник отдела негласного наблюдения тяжело вздохнул, понимая, что, если следовать старинной русской поговорке, попал в колесо – пищи, да беги...

– Сегодня же мы посмотрим, что можно сделать...

– Отлично! – обрадовался Власенко. – Это должны быть самые проверенные и надежные товарищи, скажите им, что Родина их не забудет!

ГЛАВА 6

Сумерки сгущались над городом, окутывая Харьков плотным серым покрывалом. В неясном свете фонарей тени вокруг виделись длиннее и более устрашающе. Василий Конопатов шагал домой значительно припозднившись с работы. Мысль о том, что необходимо предупредить о совещании у начальника Кола не давала ему покоя. Только где же его искать-то? На последней хате его не найти. Он сам объявил об этом при последней их встрече. Шурочка для него пройденный этап, как он сам признавался, меняя таких шурочек одну за одной, не оставаясь вместе со своими приближенными больше двух дней на одном месте. Харьков – город большой, ищи свищи его, как ветра в поле...

Особенно остро их связь Василь почувствовал именно сейчас, когда опасность оказаться за решеткой стала наиболее явственной. Теперь назад пути не было, он слишком плотно оказался связан с Колом, слишком сильно впутан в его грязные делишки, а всему виной была Марьяна.

Он с неудовольствием вспомнил свою сестру, которая когда-то очень давно познакомила его с вором, сгинув где-то в очередной пьяной драке, на одной из блат хат, где-то на окраине города. Еще никогда он не думал о ней с такой ненавистью.

– И не страшно тебе гулять по ночным улицам одному, гражданин начальник, – Конопатов ничего не успел толком сообразить. Его тело вдруг отбросило в сторону, рот оказался зажат крепкой мозолистой ладонью, пропахшей табаком-самосадом.

Василь испуганно дернулся, замычал, попытался вырваться, но хватка у неизвестного была почти смертельной.

– Тише, начальник... тише...

– Ммм...

– Чего ты там мычишь? – только сейчас, поняв, что убивать его никто пока не собирается, Василь успокоился, узнав знакомый голос.

– Кол! – воскликнул он, не понимая, то ли радоваться ему, то ли бояться того, что вор сам на него вышел, когда ладонь исчезла с лица, дав возможность глубоко вздохнуть.

– А то кто же...– хватка ослабла, сильным толчком Конопатова выпроводили из подворотни под свет уличных фонарей. Он покачнулся, но сумел удержаться на ногах.

– Я только думал о тебе...

– Отлично! Я тоже надеялся, что ты принесешь в клювике своем обещанную информацию,– самого вора Конопатов не видел. Тот старался держаться в тени подворотни. Видимо, не доверял, то ли по своему странному обыкновению, как всегда перестраховывался.

– Я все узнал!

– Это отличная новость, гражданин начальник, базлай...

– В управление пришла бумага из Москвы...

– Меня не интересуют ваши малявы друг другу!

– Ты не понял!– торопливо перебил его Конопатов.– своими нападениями вы навели шороха не только в Харькове, это все ушло наверх, и там нешуточно обеспокоены. Пришел однозначный приказ вас поймать...

– Ловилка еще не выросла,– самодовольно хмыкнули в темноте.

– Вами занялись всерьез, а пока ценности госрезерва республики решено переправить в здание Управления, а там, как ты понимаешь миллионы...

– Уже лучше, гражданин начальник! Когда повезут червонцы?

– Ты не понимаешь?!– психанул Василий.– Вас ловят все! Милиция, мы, все! И если вас поймают, то нам обоим вышка! Расстрел! Отдай мою долю и давай расходиться. Валите из республики, куда хотите...

– Ох, какие мы грозные...– в тишине почти пустой улицы, где-то во мраке подворотни оглушительно звонко шелкнул взводимый курок. Почему-то Василь был уверен, что его ствол сейчас был направлен ему в грудь.

– Вы же понимаете, что будет, если вас поймают? Социалистическая собственность в особо крупных размерах... Расстрел! В лучшем случае ГУЛАГ почти пожизненно!

– Нам не привыкать, малыш, к этому...Когда повезут деньги?

Конопатов выдохнул, чувствуя, как подгибаются его колени. Он не мог стоять! Да, он боялся! Боялся Кола больше всего на свете! И этот страх был не более объясним, как клаустрофобия или еще что-то. Смерть, глупая смерть от рук этого упыря приводила его в ужас.

– Они...Управление готовит облаву, ее исполнение поручено мне...Только после нее повезут деньги. Так сказать, хотят минимизировать риски...

– Отлично, начальник! Просто в цвет...

– Чему ты радуешься, урод!– сорвался Конопатов.– А если во время облавы кого-то из твоих кретинов или тебя самого зацепят? Что тогда?

– Тогда ты застрелишься, мусор, как и положено тебе,– рявкнули в ответ из темноты.

– Я...жить хочу!

– Все хотят, дурачок! А хорошо жить, хотят единицы. За хорошую жизнь бороться надо, поступки совершать! А не ныть и стенать, как баба...

– Что мне делать с облавой?– плечи Конопатов опустил обессиленно вниз, он, как будто, из него вытянули какой-то внутренний стержень. Василь устал бояться, устал бороться и жить в постоянном страхе за свою жизнь.

– Делай свою облаву. Мусорам надо подкинуть тоже чего-то на хлебушек, чтобы они успокоились и спокойно повезли деньги...Вот тогда, мы сможем сорвать самый большой куш, который когда-либо срывали бродяги вроде нас с тобой,– мечтательно причмокнул губами Кол в темноте, но Конопатов настолько ясно и четко представил перед собой его довольное лицо, что его слегка передернуло.

– Не тебя же мне ловить-то?– возмутился Василий. Сердце немного успокоилось в груди. Наступило что-то вроде тупого онемения, как будто плевать ему стало и на свою жизнь, и

на только-только начавшуюся карьеру, вообще на все, осталась там, внутри только глубокая сосущая пустота.

– Конечно не меня!– рассмеялись в ответ из темноты.– Кишка тонка меня поймать! Бритву знаешь?

– Какую бритву?

– Б...ть! Не опасную же! Босьяк есть один на Кирова, погоняло Бритва... Он иногда промышляет разбоем, а так квартирки чистит зажиточных советских граждан, все нищие под его контролем побираются, вообще авторитетный человек. Власть имеет...

– Ну...

– Колено гну!– цыкнули разозлено на него из темноты.– Ему в тюрьму резона идти нет, накосячил он перед ворами сильно, недовольны они, а в тюрьме и на пересылках их власть... Так что барахтаться будет до последнего патрона. Обставь все так, будто он кипеш с инкассацией навёл, а я тебе его адресок скину. Только смотри сам под пулю не угоди, Бритва фраер ещё тот...

– Спасибо за заботу,– кивнул нелепо Конопатов.

– Трудись, родной! Всё на благо Родины!– из темноты подворотни засмеялись, уже не особо скрываясь.– Бритва работает на Кирова, но хаза его в посёлке Халтурина. Знаешь где?

Василь кивнул, раздумывая над предложением Кола. Если план вора удастся, то и его ждёт неплохое повышение по службе, плюс уважение товарищей, которое он слегка подрастёрял, согласившись на должность секретаря у Власенко, когда тот был у власти. А если выгорит ещё с госрезервом... Что тогда? Тогда останется только бежать? Куда? Союз большой, есть где развернуться, а ещё лучше махнуть в Ленинград, а оттуда через Финский залив к финнам. Говорят, что с деньгами в их капиталистической стране жить можно... Что его тут держит здесь? Да ничего!

Его мысли прервал на самом интересном хриплый голос вора.

– Вот за Немышлей его зазноба и живёт, повезёт пристяжными ещё кого-то возьмёте. Их там много обитают.

– Спасибо,– кивнул Василь.

– Иди уж... Темно на дворе, бандиты бродят...– глумливо заботливым голосом посоветовали ему.

Василь спорить не стал. В голове уже начал складываться план предстоящей операции. Для начала окружить посёлок. Для этого понадобится милиция и рота НКВД полка охраны. Своим оперсоставом выдвинуться к дому, естественно предложить сдать. Бритва откажется и тогда...

Что будет тогда думать не хотелось, слишком опасно. Приятнее всего мечтать о том, чем вся эта история может закончиться. А новый начальник управления, по слухам, мог не только наказывать, но и выдвигать особо способных, к коим Конопатов себя несомненно относил. Черт с ним с риском, игра стоила свеч!

ГЛАВА 7

Валентина сделал шаг вперёд. Вокруг царил непроницаемая темнота. Лишь под ногами еле заметно светилось пятно бледного света. Она сделала ещё один робкий шаг вперёд, потом ещё один.

– Здесь есть кто-нибудь?– спросила женщина дрожащим от страха голосом. Страх пришёл сразу, как только она оказалась в этом непонятном и жутком коридоре. Со стен капало, было зябко. По коридору, словно в стерео трубе гулял надрывный ледяной ветер. – Здесь есть кто-нибудь?– повторила она свой вопрос.

В ответ оглушительно громко, отгалкиваясь от каменных стен звонким эхом, прозвучал чей-то надрывный смех, вызвавший новый приступ мурашек на коже.

– Ответьте!– чуть не расплакалась она, гневно топнув ножкой, которая неожиданно потеряла опору, зависнув на секунды в воздухе, вокруг будто включили прожектор огромной мощности. Мир вспыхнул жёлтым светом, и Валя вдруг поняла, что стоит на узкой тонкой балке, а вниз, куда хватает взгляда простирается непроглядная гнетущая пустота, которая только что была вокруг неё. Женщина сумела удержать равновесие усилием воли, заставив себя не закричать от охватившего её ужаса.

– Ответьте же...– она сделала осторожный шаг вперёд. Женщина почему-то была уверена, что в темноте вокруг кто-то таится и непременно желает ей зла.– Я...

Балка начала трещать по швам. От её цельной основы оторвался сначала небольшой кусок бетона, потом раздался оглушительный треск, и её насквозь прошла длинная глубокая борозда трещины. Балка закачалась, грозя вот-вот рухнуть в черную зовущую пустоту.

– Нееет!– прокричал Валентина, чувствуя, как ноги теряют опору. Тело женщины качнулось из стороны в сторону, готовое рухнуть вниз...И тут она проснулась.

Никакой черноты, никакого коридора и балки не было. Только ее новое жилье... очередная квартира за последние несколько лет карьерного взлёта мужа, очередное наследство от попавших в жернова конторы людей. Как они в ней жили? Были ли счастливы? Любил ли застрелившийся Мазо свою жену? Были ли у них дети? Часто ли гостили друзья?

Валентина встряхнулась, словно сбрасывая с себя остатки кошмара. Спать в спальне предшественника своего мужа она не могла. Ей все время чудилось, что Соломон Мазо и его жена, сгинувшая в лагерях ГУЛАГа наблюдают за ней из-за шторы у окна, слегка посмеиваясь над наивностью новых хозяев. Мол, вы намериваетесь тут задержаться, а, нет, ничего не выйдет...

Женщина устало потёрла глаза, поставив кипятится чайник. Кошмары преследовали её с того момента, как она переступила порог этой квартиры. Осложняло все это ещё и отсутствие мужа, который днями и ночами прибывал на работе. Звонить он ей туда запретил, приходите тем более... Вот и выходило, что выкручиваться надо было самой.

В замке зашуршали, вставляя ключ.

– Господи, Андрей...– она бросилась в прихожую, торопливо щелкая замками.– Андрюша!

– Привет,– хмуро встретил он ее на пороге, так и не найдя нужного ключа.

– Андрюш!– она бросилась ему на шею, еще находясь под впечатлением ужаса ночного кошмара.

– Хватит...хватит, Валентина,– отстранил он ее устало, снимая форменный китель,– что случилось?

– Ты не представляешь какая тут жуткая квартира! Это еще хуже, что была у нас Остоженке в Москве!

– Не преувеличивай, дорогая,– улыбнулся Коноваленко, двигаясь на кухню,– у тебя так каждый раз на новом месте...

– Но...

– Ты лучше скажи, что у нас на ужин?– хмуро осмотрел пустой стол начальник управления НКВД.– Я жутко устал...

– Андрей...

– Ничего, как всегда...

– Андрей!

– Я, пожалуй, посплю пойду...

– Тебе плевать на меня?– возмутилась Валентина, перегородив дорогу своему мужу, направляющемуся в спальню.

– О чем ты?

– А о том, что я уже двенадцать лет бегая за тобой из города в город, из района в район, а ты делаешь карьеру! Постоянно эти ведомственные дома, сменяющие одни другие, мы несёмся из одной республики в другую и обратно, даже не задерживаясь где-то больше года. И все это время я здесь одна, готовлю тебе поесть и жду... Я все время жду тебя вместе с этой атмосферой могильников, которая витает в этих съёмных квартирах!

– По-моему, ты слишком перенервничала...

– Я одна! Слышишь! Одна! Тут не то, что перенервничаешь, тут впору с ума сойти!

– Валя...

– Что, Андрей? Когда ты звал меня замуж, то клялся, что никогда меня не оставишь, будешь заботиться обо мне, а в итоге? В итоге наш сын растёт с бабушкой, я, как затворница торчу в квартире, а ты строишь карьеру...

– Я хочу, чтобы вы были счастливы, – вздохнул Коноваленко, понимая, что ссоры не избежать.

– Что-то у тебя не очень-то получается, – хмыкнула Валентина, уступив дорогу мужу в спальню. Так было всегда. Она злилась, ругалась, пыталась бороться, но в итоге карьера всегда побеждала. На глаза накатили слёзы. По щеке сбежала слезинка, потом еще одна и еще. Ей стало душно.

– Извини... – покачал головой Коноваленко, выйдя из кухни.

Что ей его извинения? Будто они могли что-то изменить? Что она видела за все время их долгого брака? Череду квартир? Редкие минуты счастья и внимания, когда родился Глеб?

Валентина вышла замуж первый раз в восемнадцать лет. Её избранником стал близкий друг семьи, который на тот момент показался ей довольно неплохим вариантом. В это время умер отец, ей нужно было на кого-то опереться, иметь опору... И что вышло из этого брака? Ничего...

Спустя пару лет она встретила Андрея. Вариант с безумно, как ей тогда казалось, влюбленным в нее перспективным офицером ЧК, показался ей выходом из их бедственного семейного положения, когда она на своих плечах одна тянуло и престарелую мать, и сестру, которая ещё училась в школе. Любила ли она его? На этот вопрос даже сама Валя не знала ответа. Андрей был надёжным и... И что ещё? Она не понимала. Он смог подарить ей сына, опору, которой ей так не хватало, но измученное долгим ожиданием настоящей яркой, как вспышка любви, сердце требовало чего-то иного, пусть не такого надёжного, но любимого...

Вечное ожидание его с работы, редкие разговоры по душам, недостаток внимания, все это копилось внутри неё долгие годы, превращаясь в неотвратимый снежный ком, застрявший где-то в груди и готовый, как гнойный нарыв прорваться наружу.

Он все время работал... Днями и ночами Коноваленко пропадал в своём НКВД, объясняя ей что строит карьеру, что осталось немного потерпеть и все наладится. Но ничего не налаживалось, он оставался не любимым, а попрежнему лишь надёжным, а вместе с новой должностью в наркомате внутренних дел, исчезал лишний час их уединения, когда они могли быть вместе, наслаждаясь обществом друг друга. Они всё дальше и дальше становились друг от друга. В какой-то момент, даже не обсуждая это, перестав спать вместе. Андрей уходил засветло, приходил поздно ночью, когда Валентина уже спала, и создавалось впечатление, что то, что между ними уже мало напоминает семью, скорее вынужденное сожительство.

Все это, как киноплёнка, пронеслось в голове Валентины, сидящей за столом на огромной уютной кухне новой квартиры.

– Господи...какая же я дура... – прошептала она, обхватив свою голову руками. Осознание того, что на всех отправных и главных точках своей жизни она повернула не туда оглушило её, будто ударом обухом топора. Захотелось выпить... Просто выпить до умопомрачения, чтобы утолить боль, чтобы забыть все, чтобы исчез этот противный сладковатый запах покойника, который витал по этой чертовой квартире. Захотелось дышать... Она потянулась к фор-

точке, дёрнула на себя, но фрамуга не подалась, покрашенная намертво толстым слоем краски, лишь надрывно скрипнула, сочувствуя одинокой женщине.

– Подышать...– выдохнула Валентина, ослабляя завязки на своей очень дорогой кофточке, привезённой мужем из командировки в Запорожье.– Воздуха...

Она рванулась в коридор, все ещё путаясь в лабиринтах незнакомого жилья, с трудом нашла в потёмках выход, не включая свет, боясь, что именно сейчас, в этот момент, сюда же выйдет Андрей, и ей придётся ему что-то говорить, что-то объяснять...

Нет...она не могла. Перед глазами возник образ сына, оставленного перед самым переездом в Харьков на время у бабушки в деревне. Валентина обязательно его заберёт, как только все устроится. Устроится ли?

Перепрыгивая через ступеньку, совсем как девчонка, спешащая на свидание, она спустилась вниз. Распахнула дверь подъезда вдыхая свежий воздух влажного, умытого дождём города.

Наконец...

– Сегодня чудесная погода...– окликнул её звонкий голос откуда-то со стороны лип, росших возле небольшой детской площадки. Валентина вздрогнула и медленно повернулась, уверенная в том, кого увидит на узкой скамеечке с высокой спинкой. Ощущение того, что она стоит на пороге чего-то грандиозного вдруг пришло к ней, принесённое именно этой по-детски наивной интонацией и ароматом душистых лип.

Я не знаю, почему я пришёл к дому, где была квартира Коноваленко. На что надеюсь? Чего ожидая? Мне просто захотелось хотя бы на время оказаться где-то неподалёку от женщины, которая вот уже сутки не выходила из моей головы. Я шёл и думал о ней, писал отчёт и думал о ней, ел и мечтал о нашей встрече, спал, а она мне снилась. Валентина полностью захватила мои мысли и чувства, меня тянуло именно к этому дому, чтобы хоть краем глаза, увидеть её силуэт в окне, услышать её чудесный голос, а если повезёт, то и поговорить.

Когда она выскочила взъерошенная из парадной, будто сбежавшая из плена в одном ситцевом платье. Я даже не сразу поверил своим глазам, настолько это было поразительным и чудесным, что даже не верилось...Через силу я окликнул её, сморозив какую-то банальность.

– Сегодня чудесная погода...– уверенный, что она мне не ответит, что даже не помнит меня.

– Добрый вечер, товарищ лейтенант!– улыбнулась Валентина мне, сделав шаг в мою сторону. Мне в тот момент показалось, что её голос немного дрожит.

– Здравствуйте,– я неловко встал, оправился, заметался в поисках фуражки, свалившейся за скамейку, пока дежурил под ее окнами, ожидая неизвестно чего.

– Вы к моему мужу? Вестовой?– уточнила она, приблизившись настолько близко, что я мог разглядеть в уголках её глаз прозрачные капельки слезинок. Валя это заметила и торопливым движением ладони смахнула их с лица. Моё сердце взвыло от нежности к ней, мне захотелось провести рукой по её щеке, прижать к себе, шепча ласковые слова.

– Вы к мужу? Тогда почему не поднимаетесь?– повторила она свой вопрос, ибо я торчал столбом бессмысленно хлопая глазами, не в силах вымолвить хоть слово.

– Я? Я нет...Я сам...

– Что?

– Я гулял просто, решил передохнуть...– кое-как оправдался я, опустив глаза в каменную брусчатку улицы.– Тут у вас хорошо! Липы всякие...

Она рассмеялась чистым звонким смехом, и от её улыбки мне стало так горячо, будто сейчас был не поздний вечер, а раскалённый полдень, и солнце с небес готово было меня испепелить.

– Липы всякие это, конечно аргумент... – покачала головой она, отсмеявшись. – Вы позволите нарушить ваше уединение? – кивнула она на скамейку, рядом с которой я топтался, как первокурсник на первом зачёте.

– Что? Ах, да... Конечно! – я смахнул невидимую пыль и присел рядом, стараясь держаться поодаль. Неужели, идя сюда, чтобы поглазеть на окна Валечки, я мог подумать, что вот так вот запросто смогу с ней сидеть рядом, вдыхать аромат её духов, слышать её лучистый смех.

– И давно вы тут сидите? – спросила она, глядя куда-то вдаль, где по широкой улице медленно гроыхал трамвай, везя запоздавших со смены рабочих по своим домам. Женщина проводила его грустным взглядом.

– Часа три... – ответил я правду, краснея, как мальчишка.

– Липы дело такое! Затягивает... – улыбнулась Валентина, оправляя чуть сбившееся на коленях платье. Я пораженно уставился на идеальный изгиб её коленей, лёгкий загар уходящий от самой щиколотки вверх, к недостижимым сокровенным местам. Тяжело сглотнул, во рту сразу стало сухо. Сердце испуганно бахнуло в груди, со всего размаха ухая куда-то в пятки. Я боялся дышать, чтобы не спугнуть это сладкое мгновение, когда мы с ней остались наедине. – А я вот решила прогуляться перед сном... На липы посмотреть... – мне пришлось кивнуть, что говорить я не знал, просто чувствовал, что делать ничего не надо, что иногда лучше вот так вот промолчать, наслаждаясь тишиной, понятной без всяких глупых и никому ненужных слов. Это же настоящая судьба! Именно она направила меня сюда, чтобы я увидел Её!

– Мне пора... – через пять минут нашего молчания Валентина встала, подавая мне руку. – Рада была увидеться, Александр!

Надо же! Она запомнила, как меня зовут! Она знает! Счастливее, чем я в этот миг в мире не было человека.

– Мне... я тоже... Доброй ночи! – выдавил я из себя что-то разумное. Валя улыбнулась.

– Я, пожалуй, пойду.

– Да-да... идите... То есть...

– Что? – она повернулась ко мне, глядя мне прямо в глаза, и от этого взгляда мурашки побежали по коже.

– Вы... Валентина... Может, я вам как-нибудь покажу наш город? – выпалил я, сам испугавшись своей смелости. Вот еще! Нужен ей, такой красивой, умной, привлекательной какой-то лейтенант! – Извините... – торопливо попросил я прощения. – Просто вы человек в Харькове новый, а я здесь живу с рождения... У нас очень красивый город!

– Я уверена в этом! – усмехнулась она, как мне показалось с легкой горечью. – Ничего не могу обещать, но, если мне вдруг захочется на экскурсию, то я обязательно вас найду.

– Как? – округлил я глаза от удивления.

– Вы забываете, кто мой муж, Александр... – покачала головой Валентина, направляясь к подъезду. Я не мог отвести от неё своего взгляда, пока она не скрылась за коричневой дверью парадной, своим скрипом приведшей меня в чувство. Что за день сегодня?! Что за липы?! Я подетски подпрыгнул, взвизгнув совсем уж неприлично для офицера НКВД. Направился домой, ощущая, что поспать мне сегодня от бури эмоций, бушевавших в моем сердце, не придётся.

Едва дверь за Валей закрылась, грохнувшись о косяк. Она прижалась к стене, чувствуя, как сердце пытается выпрыгнуть из её груди. Подниматься наверх к мужу ей совсем не хотелось. Перед глазами все плыло, тело пылало, соскучившееся по ласке, а эти влюбленные серозеленые глаза лейтенанта сводили с ума, заставляя думать вовсе уж о неприличном. Липы... Усмехнулась она, так и стоя с закрытыми глазами посреди парадной, прижавшись к холодной кирпичной стене. Липы... Какие к черту липы? Его глаза говорили больше, чем он сам. Взгляд молодого парня пожирал её, заставляя алеть давно не красневшие щеки кумачовым цветом. Конечно, у них ничего не может быть! Она замужняя женщина, жена его командира... Но,

Боже, как же приятно быть нужной, любимой, желанной, той, ради которой можно три часа сидеть на лавочке перед домом, не надеясь на встречу...

– Липы... – Валентина еще раз улыбнулась и медленно пошла наверх. Андрей, наверное, уже спит, не стоит его будить. Шаги её становились осторожнее и тише по мере того, как они приближалась к своей квартире.

Муж не удосужился даже закрыть за ней плотнее дверь. Она оставалась полуприкрытой все это время, показавшееся Валентине вечностью. Но кто же станет обкрадывать начальника республиканского управления НКВД? Разве что сумасшедший какой-то!

Свет по всей квартире был потушен. Из комнаты супруга доносилось надрывное сопение. Теперь спать... Уговорила сама себя Коноваленко. Аккуратно, чтобы не скрипнули пружины на старом диване, она легла в зале, по шею накрывшись пуховым одеялом, как в детстве. Последней её мыслью перед глубоким и крепким сном были лейтенант, который так застенчиво и мило улыбался ей под липами.

ГЛАВА 8

Валечка... Валюша... Её улыбчивое лицо стояло у меня перед глазами, грустный взгляд и слегка наклонённая на бок голова, украшенная светлыми кудряшками. Чудесный голос звучал в голове, как набат. И пусть мы с ней поговорили всего лишь несколько минут, но я не мог выбросить у себя из головы эту встречу.

Всю ночь она мне снилась в вовсе уж неприличных образах, а утром я встал раньше будильника почти на час. Блаженно пялился в с тень, прокручивая в голове подробности нашего с ней разговора.

Ну и что, что она меня старше? Что с того, что у неё есть муж, семья? Я не мог, не хотел выбросить эту женщину из своей головы. Она, словно наваждение, преследовало меня ежесекундно, ухватив мёртвой хваткой моё влюблённое сердце. С каждым прожитым часом мне всё сильнее хотелось перестать сопротивляться этому чувству, искренне надеяться, что это взаимно, и где-то далеко, на противоположном конце города, на улице Кирова, в пустой квартире одна, Валентина тоже думает обо мне, точно так же улыбаясь при мысли о возможном свиданье.

– Я тебя найду... – звучало в голове обнадеживающе, наивно, но я верил, что так оно и будет, несмотря на свой печальный опыт в отношениях с женщинами.

В свои двадцать я имел довольно скоротечный роман с однокурсницей, вылившийся в мою личную драму. Общительная и милая девушка Юля была на два года меня старше, и я до сих пор не совсем понимал, что ей во мне понравилось, захватило так, что оба мы потеряли головы. Счастливое безумие длилось весь мой летний отпуск, закончившись, как только я вернулся в школу подготовки офицеров НКВД. В письмах Юлии сначала стала проскальзывать необъяснимая холодность, ледяной тон, а потом и сами письма стали короче, превратившись чуть ли не в телеграммы, а когда я вернулся в увольнение в родной город, то с изумлением обнаружил в квартире моей возлюбленной подаренные новым ухажёром цветы. Она не стала ничего скрывать. Сказала, что разлюбила, что её новый возлюбленный очень солидный человек, имеет шансы построить неплохую карьеру, и было бы глупо надеяться на то, что молодой лейтенант всесильного наркомата когда-то выйдет в люди, когда рядом такой вариант. Стало горько и обидно. Я ушёл, чтобы больше никогда не появится в её жизни.

После было несколько легкомысленных интрижек, но как таковых отношений у меня не было, любить больше никого я не хотел, да и, наверное, не мог... Слишком больно было на душе, слишком грязно и одновременно тоскливо. Было... До того момента пока Секретарь не послал меня на вокзал для встречи нового начальника, пока я не увидел Валечку. Именно тогда мой уютный мирок рухнул... Именно в тот момент я ощутил, что могу любить с той же силой, что и раньше, а то и сильнее...

Мать тоже заметила моё новое состояние. Она всегда была мне близка, легко распознавала, когда я грустил, когда был искренне счастлив. Едва, я встал за час до будильника, она тут же последовала за мной, ехидно заметив:

– Ходишь, улыбаешься, как чумной!– рассмеялась она.– Влюбился что ли?

Я промолчал. Хотелось это пока не до конца разгоревшееся чувство спрятать где-то внутри, подальше от посторонних глаз, чтобы ненароком, неосторожным словом или делом не потушить разгорающиеся пламя.

Будто на крыльях, я полетел на работу. И даже тот факт, что сегодня на утреннем совещании мне придётся видеть ненавистного мужа Вали, меня не расстраивал. Может с ним поговорить? Неужели он не поймёт? Неужели он сам никогда не любил?

Валечка... Я смотрел в окно, не видя ничего перед собою, только её образ в ситцевом коричневом платице, туго обтягивающим стройную фигуру.

– Клименко! Лейтенант Клименко! Вы слушаете своего товарища?– окликнул меня Коноваленко, заметив мой бессмысленный взгляд, направленный в окно. Я оглянулся по сторонам. Мы сидели в кабинете начальника управления. Напротив меня стоял Василь Конопатов и что-то докладывал, слегка покрасневший, как всегда, когда выступал перед аудиторией. Этого у него ещё с курсов. По центру Коноваленко, на столе крепкие руки с пальцами сцепленными в замок. Свеж, гладко выбрит. Именно он мне сделал это замечание, которое я не расслышал с первого раза. По правую руку от меня устроился Жидков, толкнувший меня локтём вовремя в бок. Сейчас, очнувшись, я смог расслышать его напряжённый шёпот:

– Совсем охренел, Клименко!– зло пробурчал он.– Не выпался что ли?

Как ему объяснить, что за долгое время я сегодня спал очень крепко и сладко, согреваемый мыслями о Валечке?

Чуть поодаль, в полумраке угла, примостился Секретарь. Власенко не любил военную форму, предпочитал носить гражданский пиджак и слегка чужеродно смотрелся в этом кабинете в своей клетчатой тройке. Он улыбнулся мне, заметив мой взгляд, но от этой улыбки, больше напоминающей оскал тигра, стало холодновато, а по спине пробежали мурашки. Невзрачный с виду человек, в очках, больше напоминает учителя математике в школе, а нет же... Глянешь на него, и мороз по коже.

– Вы заснули что ли?– поинтересовался Коноваленко, уставившись на меня тяжёлым внимательным взглядом.

– Никак нет! Слушаю...

– Это заметно!– гневно взял карандаш начальник управления.– Пока вы тут дремали, витая где-то в облаках, товарищ Жидков представил нам план переброски госрезерва из золотовалютного хранилища в наше управление, но его исполнять пока не уничтожена банда налётников не представляется возможным,– терпеливо пояснил он, делая какие-то пометки у себя на листе бумаги,– товарищ Конопатов выяснил, где предположительно прячется банда налётников, предлагает провести операцию по её ликвидации, но начать и спланировать мы её не можем, пока у нас нет ваших данных о наличии «крота» в милиции или, не дай Бог, в нашей конторе...– Андрей Викторович выжидательно посмотрел на меня, не понимающего, чего он хочет.

– Встань...– зло прошептал сквозь зубы Жидков, толкая снова меня локтем в бок.

– Я...– зацепился за стул, чуть его не опрокинув, вскочил, вытянув руки по швам.– Считаю, что операцию проводить необходимо. Выявить «крота» в столь сжатые сроки не выйдет, а вот, проведя операцию без участия милиции, мы получим некоторые результаты, даже в случае провала облавы...

– Интересно...– приспустил очки Секретарь Власенко.– Каким это образом?

– По сути милиция – наше слабое звено,– начал пояснять я, полностью придя в норму, сумев переключиться на работу,– туда набирают всех кому не лень, некоторые могли ранее

иметь уголовный опыт, у некоторых близкие родственники сидели или отбывают наказание, никто за этим строго не следит при приёме на работу. Теоретически «крот» завёлся именно там. Не знаю, по своей воли или по глупости он передаёт информацию бандитам, но это факт. Если облава, о которой не будет знать милиция провалиться, то «болтун» находится в этих стенах, если все закончится удачно, то кто-то из милиции сливает информацию налётчикам и перед переброской ценностей надо прошерстить местные линейные отделы.

– Толково, – кивнул Коноваленко, постукивая карандашом по дубовой столешнице, – значит операции товарища Конопатова быть?

– Так точно, товарищ майор госбезопасности! – подтвердил я. Поймал внимательный взгляд начальника, брошенный в угол на конспектирующего Секретаря. Тот пожал плечами, будто сомневаясь.

– Вроде Клименко прав... – согласился Жидков.

– Тогда приступим, товарищи...

ГЛАВА 9

Тентовый грузовичок трясся по разбитой проселочной дороге, подпрыгивая на особенно глубоких ухабах. До посёлка Халтурина цивилизация ещё не добралась, несмотря на близость к городу. И если по Салтовской улице мы доехали с относительным комфортом, то когда начали спускаться в жилые кварталы вниз, к речке Немышле, неподалёку от того места, где я жил с матерью, то здесь началось самое настоящее бездорожье.

Сидящие напротив меня солдаты из роты охраны НКВД хмуро и молча сидели на деревянных скамеечках, уставленных возле борта. Самый молодой из них устроился напротив меня. Пухлые губы, только начинавший появляться детский черный пушок под носом – всё это говорило о том, что солдат был срочником. Он испуганно сжимал влажными ладонями винтовку, о чем-то шепча про себя одними губами. То ли молитву читал, то ли еще что-то... Я усмехнулся, вспомнив себя на первой такой операции. Я тоже боялся. А кто не боится? Страх человека мобилизует, выброс адреналина заставляет мозг думать быстрее, решения принимать мгновенно, а иногда и совершать то, что в обычной жизни ты бы никогда не сделал.

Рядом сидел Конопатов. Василь был тоже нервозен. Постоянно шевелился, пытаюсь на неудобной скамеечке устроится половчее.

– Его зовут Бритва... – прошептал он мне на ухо, слегка дрогнувшим голосом. Очень опасный тип. За спиной три ходки в лагерь. Последний раз сбежал оттуда, убив конвоира. Промышляет разбоем, ни один труп на нём висит уже. Если попадётся, то сто процентов вышка. Так что терять ему нечего, будет бодаться до последнего, – проговорил Василь, на всякий случай ощупав кобуру с наганом, закрепленную на поясе.

– А ты-то это все узнал откуда? – поинтересовался лениво я, стараясь не ломать голову о том, как все сложится в предстоящей операции. Загадывать все равно бесполезно, только нервы себе испортишь. Даже самый лучший план не сбывается, когда звучат первые выстрелы.

– Походил, информаторов потряс... Вот они поделились! Курочка по зёрнышку, так сказать... – это все я уже слышал на совещании у Коноваленко. Москва давила сверху и требовала закрыть вопрос с бандой. Вот майор и согласился на заведомую авантюру. Никто не знает сколько бандитов, чем они вооружены, те ли это бандиты... Столичным шишкам ведь не объяснишь что такое оперативная кропотливая работа, им вынь да положь налётчиков на блюдечко с голубой каёмочкой, да безопасность госрезерва обеспечь, при чем в кратчайшие сроки.

Мотор несколько раз чихнул и заглох. Я повалился на Конопатова, слегка придавив того собственным весом.

– Началось? – удивлённо спросил срочник напротив меня.

– Почти...

– Приехали! Выходи строиться!

– К машинам! – раздались громкие выкрики старших групп.

Мы с Василем вылезли последние, когда Жидков проводил инструктаж – красный как рак, да от жары жутко потеющий.

– Дома окружать. Заходить осторожно. Проверили документы, обошли комнаты и наружу. При любой опасности разрешаю стрелять на поражение. Все слышали?

– Так точно!– прогудел неровной строй солдат.

– Ну...пошли!– махнул рукой Жидков, доставая из кобуры наган, взводя курок.– Помните, что противник очень опасен и терять ему нечего.

Только теперь я позволил себе осмотреться. Этот район я знал неплохо. Прожил в нескольких кварталах отсюда всю свою жизнь. Рабочие коммуналки, загаженные подъезды, вечные ссоры, склоки с соседями и бандитские разборки сопровождали меня здесь всю мою юность и детство. Это вам не центр города, здесь народ живёт, что попроще. Невысокие кирпичные домишки тянулись вниз к самой Немышле. Узкие улочки, небольшие окна бойницы, неопрятные дворы с выломанным штакетником – всё это делало общий вид каким-то грязным и заранее бандитским.

– Бритва говоришь...– прошептал я, не обращаясь конкретно к Василию, все ещё топчущемуся рядом. Впереди с пригорка, на котором остановились наши машины, во главе с Жидковым нестройно спускались цепи солдат, участвующих в облаве. Где-то во дворе загавкала надрывно собака.

– Бритва...– согласился Конопатов.

– Окольцевать район у нас не хватило сил,– рассуждал я, глядя на редкую цепь солдат,– если Бритва тот налётчик, который нам нужен, то он будет уходить, и уходить будет через Немышлю в лес, вон туда...Я этот район неплохо знаю, сколько уже тут живу.

– Предлагаешь встретиться?– подмигнул мне Конопатов, мгновенно ухватив мою мысль.

– А то! Заводи мотор!– приказал я водителю, который уже закурил самокрутку, попыхи-вая ароматным самосадом, что-то осматривая под передним колесом. Опытный шофер поморщился. Ему не хотелось лезть в самое пекло. Лучше вот тут отсидеться, пока операция не закончилась бы. Примерно так же брали в прошлом году Миколу Ворожейко, оцепили, пошли на проверку документов и на тебе...Уже вечером пришлось в городской морг отвозить три солдата из роты охраны, совсем молодых и безусых.

– Приказу не было...– отмахнулся водитель настороженно поглядывая на нас, внутренне надеясь, что мы смолчим и все утрясётся.

– Кому сказано, заводи!– рявкнул я, прыгая на переднее сиденье полуторки. Конопатов уже забирался внутрь тентованного кузова.

– Одни начальники кругом,– вздохнул печально шофер, с явным сожалением выбрасывая недокуренную самокрутку,– послать некого...

– Живей!– подбодрил я его. Азарт погони захватил меня. Сердце заколотилось, я был почти на сто процентов уверен, что, если информация Василя верна, то Бритва будет уходить через Немышлянский лес.– Гони вниз!– скомандовал я, дождавшись пока старенький мотор прочихается, затарахтит, как положено, набирая обороты.

– Вниз и налево...Мимо яра, а там покажу.

– Ох, товарищ лейтенант!– покачал головой шофер, трогая полуторку с места.

Где-то левее нас раздалась три подряд выстрела то ли из наган, то ли из винтовку. Посыпалось битое стекло, послышался женский отчаянный крик.

– Гони, родной! Поспешать надо...– прошептал я, доставая из кобуры оружие. Шофер с подозрением посмотрел на револьвер, но газу прибавил.

У поворота на неширокий лужок, начинающий зарастать мелким кустарником, он затормозил, намекая на то, что дальше не поедет. Поймав мой угрожающий взгляд, пояснил:

– Топко там, товарищ командир. Не выеду, если заеду....

– Черт с тобой!– махнул я рукой, выпрыгивая из кабины.– Василь!

Конопатов был уже рядом. Наган в руках тускло блестел серой сталью. Мельком взглянул на него, оружие на взводе, глаза горят. Меня и самого потряхивало, словно это была моя первая боевая операция.

– Дальше не проедем,– объяснил я,– придётся пешком.

– Убили! Ой, убили!– заголосили где-то в районе одноэтажных домиков.

– Бегом!– переглянулись мы, одновременно срываясь с места.

Теперь беспорядочная стрельба слышалась отовсюду. То там, то здесь гремели одиночные выстрелы, слышались азартные крики погони и испуганных мирных жителей.

– Жидков шороха навёл в посёлке..– тяжело дыша, проговорил на ходу Конопатов.

– Без шума не вышло, значит точно на прорыв пойдут!

Короткая автоматная очередь за кустами заставила нас пригнуться.

– Это что пулемёт?– настороженно уточнил Василь.

– Пушка!– некогда ему было объяснять что-то.– Держись меня...

Мы уже выбрались с открытого пространства, добежав до низкорослого подлеска. Справа трещали кусты, кто-то прорывался сквозь посадку, особо не заботясь о скрытности.

– Ложись!– я успел рухнуть на землю и толкнуть за собой Конопатов, пораженно и увлечённо глазеющего по сторонам. Прямо на нас, со стороны посёлка пёрли трое. В руках каждого из них по нагану, а один был вооружён автоматом системы Шпагина. Таких даже в нашем ведомстве были единицы, что уж говорить об армии, а тут нате вам у бандитов такой опытный образец уже есть. Беглецы были одеты во что попало. На том, кто находился правее вовсе была лишь одна белоснежная майка, двое других кое-как были запахнуты в тёмные пиджаки.

– Бритва, кажись, ушли...– выдохнул один из этой славной тройки, облокотившись тяжело дыша на колени. Его крепкая мускулистая грудь высоко вздымалась в такт его прерывистому от бега дыханию.

– Сорвались...– согласился тот, что был в одной майке и выглядел постарше. Сквозь густой чёрный кучерявый волос на груди проглядывались синие купола церквей, что в их бандитской иерархии выдавало в нем авторитетного вора.

– Легавые суки!– сплюнул третий.– Я смотрю в окно, а они цепью идут по улице. Важные такие...Впереди маленький, круглый, как колобок! Рожа красная довольная! Ну, я из окна по ним очередью. Первый упал толстомордый, следом ещё двое. Остальные залегли и давая шмалять по окнам. Я на веранду и тикать...

– Такая же херня!– согласился тот, которого называли бритвой.– Сдал кто-то, сука! Нас искали, бля буду.

Мы с Василем переглянулись. Выходит Жидков ранен или вообще убит. Операцией руководит кто-то из роты охраны. И до ушедших в рывок воров им дела сейчас нет. Разгрести то, что уже успело произойти. Перевязать раненых, провести обыски.

Конопатов кивнул понимающе. Пора было действовать. Все, что могли мы выяснили. Теперь оставалось не дать бандитам уйти. Пальцами показал на правого, Василю на левого, пытаясь взять Бритву живём. Он много чего должен был нам рассказать. И как они выходили на инкассаторов, и кто им предоставлял информацию и в каком ведомстве.

Как можно аккуратнее передвинул руку с наганом вперёд, тщательно прицеливаясь. Второй попытки мне дадут. Сразу же очередью по кустикам, где мы с Конопатовым залегли, и все, поминай, как звали. Мушка дёргалась в такт резкому дыханию, никак не желая установиться где-то в одной точке. Другой рукой я вёл отсчёт для Василя. Раз, два, три...Медленно разогнул я свои три пальца. Наши два выстрела слились в один, прозвучавшие в наступившей оглушительной тишине почти одновременно. Моя цель подломилась в коленях. Его глаза широко раскрылись, налётчик схватился за грудь, аккуратно падая лицом вниз. Краем глаза усмотрел, что Конопатов не промахнулся. Его бандит заваливался назад, когда я уже рванул через кусты к оставшемуся в одиночестве Бритве.

– Сука, мусорская!– рявкнул тот, увидев меня, но среагировать не успел. Не зря я почти два года занимался новомодным самбо. Сильным ударом ноги я выбил из рук Бритвы револьвер, отлетевший куда-то в кусты. Довернул корпусом пируэт, но получил сильный джеб слева. Покачнулся, чувствуя, как в глазах все поплыло. Скулу обожгло сильной болью, отозвавшейся в голове колокольным звоном. Где же Конопатов?

– Стоять!– заорал лейтенант, выскакивая следом за мной, громко стреляя из своего оружия в воздух. И, что меня удивило, вместо того, чтобы просто взять на прицел Бритву или хотя бы прострелить ему для острастки колено, он по-бычьему наклонил голову вниз и бросился на вора в рукопашную. Налётчик встретил его прямым в голову. Отчего красивое лицо Василя мгновенно окрасилось кровью. Он взвыл, нелепо взмахнул рукой, промазал, заставляя вора уклоняться и пятиться.

– Щас...сука, я тебе устрою Бородино!– процедил Бритва, бросаясь вперёд на Конопатова. В его руках мелькнуло что-то стальное, похожее на заточку или финский нож, который последние несколько лет стал очень модным у криминальных элементов нашего города.

Не знаю, как Василь умудрился уклониться. Остро заточенное лезвие опасной бритвы, как я теперь успел рассмотреть, скользнуло по рукаву мундира, разрезая плотную ткань. Конопатов всхлипнул и завалился на землю, хватаясь целой ладонью за повреждённое плечо.

– Смерть мусорам!– терять время было нельзя, ещё секунда и этот озверевший фанатик прикончит лейтенанта. Но, Господи, как же хочется взять его живым...

Я бросился вперёд, толкая вора в широкую спину ногой, тот кувырком полетел через упавшего Василя, споткнулся о него, закружился и рухнул в траву.

– Лежать!– я наконец-то вспомнил о своём нагане. В пылу борьбы я совсем про него забыл. Холодная сталь рукояти как-то успокаивала, придавала уверенность. Рядом стонал Конопатов, держась за порезанное плечо.– Руки за голову! Лицом в землю! Не шевелиться!

Бритва приказа не выполнил. Правда, лежал недвижимо. Сердце ёкнуло. Неужели все наши усилия пошли прахом? Все зря?

– Хватит дурить, Бритва! – прокричал я.– Ноги на ширину плеч, руки на затылок! Ты арестован!

Ноль внимания, фунт презрения. Вор так и лежал уткнувшись в зелёную траву лицом вниз, а под ним расплывалось тёмное пятно.

– Бритва!

– Саня, помоги! Помоги, я умираю! Эта тварь меня порезала!– ныл рядом Конопатов, крутясь волчком, но ни это было самое главное. Главное, что, видимо, главный налётчик Харькова только что благополучно ушёл в мир иной, унеся с собой и имя крота, и организации, в которой этот крот работает.

Медленно и аккуратно я подошёл к лежащему вору. Его исколотые татуировками руками были спрятаны под живот. По ярко выступившим почти чёрным венам стекала бурая кровь.

– Хорош дурит, Бритва! Все уже...– я повернул его на спину, рискнув. Безжизненные серо-стальные глаза смотрели куда-то мимо меня. В животе торчала та самая бритва, за которую он и получил своё прозвище, её он обхватил обеими руками. Видимо наткнулся, падая на землю, пропоров своим же оружием себе живот.– Кончено...-добавил я, отворачиваясь. Меня замутило. То ли от последствий его хлёткого удара, то ли вида крови и глупой случайной смерти.

– Клименко, мать твою!– взревел Василь.– Хватит смотреть на этого негодяя. Глянь-ка, на мою руку. Этот гад меня поранил...

Я повернулся к напарнику. Плотная ткань гимнастёрки была прорезана полностью, на слегка угреватом плече виднелась узкая полоска срезанной кожи. Лезвие вошло неглубоко. Похоже эта была самая настоящая царапина.

– Жить будешь...– недовольно пробормотал я, борясь с приступами тошноты.

– То есть как? Как буду? Там ничего серьёзного? Ты уверен?– взъярился Конопатов, опасливо поглядывая на пальцы, зажимающие рану, покрытые липкой алой кровью.

– Уверен...– кивнул я, устало плюхаясь рядом прямо на сырую землю.

– А ведь мы их взяли! Взяли, Саня!– рассмеялся Конопатов, кивая на три трупа вокруг нас.– Сами взяли!

– Ага...– почему-то мне не особо было радостно от этого. По сути операцию мы проваляли с треском. Потеряли Жидкова, ранен Конопатов и ни одного налётчика не взяли живым. Позор...

– За это нам по ордену положено,– мечтательно промолвил Василь. Страх прошёл, адреналин отхлестал, и теперь он немного успокоился.

– Сутулого...

– Что?

– Ничего, это я так!– отмахнулся я.

Со стороны, где мы оставили машину с шофером послышался лай собак, чьи-то голоса и возбуждённые крики. На поляну, где развернулось наше сражение сначала выбежал Мухтар – немецкая овчарка из роты охраны, а потом и несколько человек из наркомата во главе с Коноваленко. Майор был встревожен, в руках пистолет, позади двое срочников с автоматами.

– Живы?– спросил он, осматривая нас.

– Живы, товарищ майор!– браво доложил Конопатов, найдя в себе силы встать, держась за плечо.– Немного ранен, Бритва при задержании убит. Напоролся в схватке на свою бритву,– хмыкнул он,– банда уничтожена.

– И вместе с ними начальник оперативного отдела капитан Жидков. Три пули в грудь. Все ранения смертельные...– зло бросил Коноваленко, покосившись на меня, сидящего в траве низко опустив голову.

– Что же вы сами сюда попёрлись-то? Не предупредили никого!– укоризненно покачала начальник управления головой.– А если бы их больше прорвалось из кольца? Постреляли бы, как котят...

– Оперативна обстановка не дала нам времени на размышления,– отчеканил Конопатов, вытянувшись в струнку,– пришлось действовать.

– Молодцы! – похвалил нас Коноваленко.– Ранен?– кивнул он на руку Василя. Кровь уже давно перестала сочиться. Теперь только на белом белье оставалось кроваво-красное пятно жутковатого вида.

– Пустяки, товарищ майор!– отмахнулся мой напарник.– Как вы-то оказались здесь?

– Решил лично проконтролировать, а тут городской бой практически идёт! Жидков погиб, командование перешло к сержанту Лучко. Никто не понимает, что делать. Вы исчезли... Потом только удалось выяснить, что ваша парочка куда-то уехала на машине. По следам нашли. Хорошо, что цивилизация с асфальтом не дошла еще во все районы Харькова,– вяло усмехнулся Коноваленко, пряча оружие.– Даю день отдыха после успешно проведённой операции по задержанию особо опасной банды. Завтра с утра проведём разбор!

Двое срочников подхватили на руки тело Бритвы, охая и стоная понесли его к машине. Следом за ними отправился майор. Головокружение прошло. Я медленно встал на ноги, всё ещё пошатываясь. Никак не удачная операция! Я бы сказал совсем неудачная... Теперь все концы к кроту обрублены. Единственное хорошее из всего этого, что госрезерв можно перевозить спокойно в управление.

ГЛАВА 10

Валентина проснулась утром в отличном настроении. Сегодня впервые за долгое время она смогла абстрагироваться от того, что окружало её, запихнуть все мысли в дальний уголок головы и уснуть. Впервые за долгое время ей не снился кошмар с лопнувшей балкой в крошечной темноте. А потому она открыла глаза, когда за окном уже во всю вступил в свои

права непогожий хмурый летний денёк, который, впрочем, своей слякотью и плаксивостью не смог испортить ей этого самого расчудесного настроения, виной которому был, конечно же, тот самый молодой влюбленный лейтенант, пожиривший вчера вечером её глазами на лавочке перед подъездом. Валечка была настолько увлечена им, что сама испугалась своей безотчётной смелости. Сколько ему лет? Двадцать два максимум? А ей? Умывшись свежей, почти ледяной водой из-под крана, она взглянула на своё лицо. Миловидна... И что ж? Чего он хочет своими ухаживаниями? Любовь? Вздор! Им никогда не быть вместе. Общество консервативно! Оно не примет их, ей тридцать семь, ему двадцать два, хуже, если моложе... Опомнись, дурочка! Уговаривала она себя. Эта игра! Мальчика никто не любил. Тем более такие тётки, как ты! Куда ты лезешь?

Но настырный влюбленный лейтенант из головы не шёл. Валентина, так и бродила по квартире, глупо улыбаясь целое утро. Сварила себе кофе и наблюдала, как по проспекту Дзержинского на работу спешат ответственные товарищи в фетровых шляпах, модных пиджаках с однотонными зонтиками на длинной ручке. Следом по своим делам, в сторону Центрального рынка шагали солидные матроны, жены этих самых ответственных товарищей, в разноцветных платьях, изящно повязанных платках и шляпках. По-летнему времени по проспекту, оглябая редкие служебные ведомственные автомобили, рассекали на велосипедах молодые ребята, чуть старше Глеба.

Сына непременно нужно привести сюда. Валентина поняла вдруг насколько она соскучилась по своему ребёнку. Андрей точно будет против, но она его уговорит. Обязательно уговорит.

Прямо с кофе в руках она прошла в спальню, где ночевал муж. Спали они порознь давно, почти полтора года. Сначала причиной был болеющий Глеб, не дающий выспаться нормально Андрею, потом это вошло у них в привычку, даже когда ребёнок переехал к бабушке. Муж очень уставал, поздно приходил, рано вставал. Его Валя почти не видела. Всё её замужество свелось к простому процессу постоянного ожидания.

А как бы повёл себя Саша, если узнал, что у неё есть сын? Вдруг пришла ей в голову мысль, когда она отпирала дверь комнаты мужа. Какой он, к чёрту, тебе Саша! Прогнала она от себя эту мысль.

Постель Андрея была заправлена, словно он и не ночевал тут. Во сколько он ушёл, Валентина не знала, слишком крепко спала. Присела на край покрывала и провела рукой по подушке, ожидая, что вот-вот испытает что-то вроде прилива нежности, но... Ничего! В сердце оставалось так же пусто, как и раньше.

Со вздохом она вышла из комнаты, плотно притворив за собой дверь. Эксперимент не удался, но она обязана, должна попробовать вернуть утерянное в бесконечной погоне за лучшей жизнью и карьерой старое чувство. Ей и без того приходится слишком часто отгонять от себя образ серо – зелёных глаз лейтенанта, а она мать, жена, хранительница семейного очага, думать о другом мужчине неправильно...

Всё это твердила ей спокойный рассудок, а сердце сладко замирало при одной мысли, что она когда-нибудь снова сможет увидеть этот наглый, почти раздевающий её взгляд, пухлые губы и звонкий, ещё не поломавшийся голос.

Стоп... Выдохнула Валентина, оставляя чашку кофе в сторону. Нужно просто отвлечься, переключиться, и все снова наладится. Для начала...

Женщина осмотрелась по сторонам, взглянув по-новому на их с Андреем съёмную квартиру. Старые полки, уставленные книгами, были покрыты толстым слоем пыли. В раковине на кухне громоздилась гора немойтой со вчерашнего вечера посуду. Начать уборку, а там сходить на рынок, как все харьковские матроны, развеяться, а потом приготовить ужин на двоих.

Наметив план действий, Валентина приступила к его выполнению. Одну за другой она вытирала книжные полки, потом долго и усиленно мыла пол. Старый паркет, уложенный ещё в

период царствования Николая Первого никак не хотел оттираться. Видимо, раньше тут часто ходили в обуви, не утруждая себя её снятием. Повсюду были видны полосы, оставленные офицерскими сапогами. С ними пришлось помучиться прежде, чем оттереть.

Ближе к обеду Валентина ощутила, как вялость и апатия покидают разгорячённое тело. Мышцы радостно гудели от полученной нагрузки, и когда она уже заканчивала драить коридор. В двери позвонили. Вытирая руки о застиранный передник, нашедшийся на кухне и оставшийся после последних хозяев квартиры, женщина отперла оба замка.

На пороге стояла крупная круглолицая высокая женщина в домашнем фиолетовом халате. Её русые некрашенные волосы были стянуты в конский хвостик на затылке, открывая мелкие, чуть узковатые глаза, высокий лоб и вздёрнутый носик.

– Добрый день!– поздоровалась незнакомка, решительно отодвигая Валентину в сторону.– А я вижу вы уже устроились,– одобрительно кивнула она, кивая головой на половую тряпку, так и оставшуюся лежать мокрым грузом у порога,– правильно... Чем раньше начнёшь... Меня, кстати, Роза Кляшевич зовут,– подала она руку ошарашенной Вале,– я ваша соседка снизу. Меня все спрашивают во дворе... Кто заселился к Мазо? Кто заселился? А что я им скажу? Что сказать им этим любопытствующим? Что тётя Роза не знает? Хм... Не поверят!

– Валентина Коноваленко,– представилась в ответ хозяйка,– можно просто Валя...

– Очень приятно, а меня можно просто Роза...– уже ничуть не смущаясь, соседка прошлась по всем комнатам квартиры, скептически оценивая её состояние.– Мы так дружили с Лерочкой! Она была хорошей девочкой, настоящей еврейкой! Какие мы с ней пекли пироги, пальчики оближешь...

– Я не пеку,– улыбнулась Валентина. От этой женщины исходила такая дикая энергия и сила, хорошее настроение и позитив, что не улыбнуться ей было совершенно невозможно!

– Ну, ничего страшного! Научимся!– подмигнула ей Роза.– Я, будем честными, тоже не пекла их, только ела... Мой муж работает в универмаге Харьков, что на площади Восстания. И если хотите, то мы непременно сходим туда прогуляться. Вы ведь города-то толком не знаете? Вот я вам его и покажу...

Валентина потерянно кивнула, уступая напору гостьи. Тем более сама не собиралась засиживаться дома.

– Вы влюбитесь в наш город! Уверяю вас, дорогая!

– Не сомневаюсь,– кивнула Валя, почему-то при этих словах вспомнив опять про лейтенанта Клименко. Где он сейчас? Что делает? Думает ли о ней?

– Тогда чего зря время терять?– тут же бросилась к двери Роза.– Отправимся тотчас же!

– Но...

– Никаких но, милая! Тёте Розе не отказывают!

Валентина кивнула, широко и открыто улыбаясь. Кажется, она нашла человека, который сможет её отвлечь от ненавистного ухажёра. Проводив Розу до двери, она начала собираться, договорившись встретится через полчаса у подъезда.

Решив надеть самое свое красивое платье, чтобы не выглядеть дурнушкой в столице республики, женщина долго подбирала к нему босоножки. Андрей никогда не скупился на подарки, да достать многое из того, что простые смертные на прилавках магазинов не видели, мог, так что выбор был велик, и к условному времени она естественно не успела.

Тётя Роза не словом не обмолвилась за опоздание, меланхолично курила папиросу у дверей, выпуская плотный сизый дым, плавающий клубами вокруг неё. На ней сегодня была плотная шляпка с вуалью, синее платье и высокие босоножки на низком каблуке.

Вдвоём они отправились сначала на остановку трамвая. Новенькие, только с завода громышающие вагоны быстро донесли их до главного универмага столицы. И только сейчас Валентина оценила весь масштаб и атмосферу Харькова.

Это оказался довольно милый и уютный город, наполненный зеленью, узкими аллеями вековых деревьев, аккуратными парками со скамейками для отдыха, где важно восседали пенсионеры, почитывая свежую прессу, мчались по тротуарам детишки, звенели громкие гудки общественного транспорта, дребезжали клаксоны автомобилей, вокруг шла одна непрерывная стройка, но вместе с тем, в Харькове не было той суеты, которая присуща столицам. В Москве всё движение, царящее вокруг её жителей, было какое-то надоедливое, настырное, напоминающее кипящий водоворот, который не дает тебе возможности вздохнуть тебе полной грудью и насладиться окружающими тебя пейзажами. Здесь всё было иначе... Люди никуда не спешили, были взаимовежливыми, иногда казалось, что тут всегда царил такой миропорядок с самого сотворения земли.

Роза почти всю дорогу молчала, давая возможность Вале впитать в себя весь этот дух, но за три остановки до конечной, все же разошлась:

– Я с Лерочкой была очень дружна, – сообщила она ей, доверчиво кладя свою широкую ладонь на руку Валентины, – они частенько с Соломон Савельевичем собирались у нас, поболтать о том, о сём, поделиться последними новостями, попить чайку! Вы знаете, девонька, как мой Марк заваривает чай? О... это целое искусство... И уверяю, что такого чая вы в жизни ещё не пробовали!

Валентина улыбалась и больше старалась слушать. Долгая семейная жизнь с чекистом научила её быть не слишком болтливой.

– Жаль Лерочку... – горестно кивнула тётя Роза. – Жаль...

– А что произошло с ними? – будто невзначай поинтересовалась Валя. Андрей ей ничего про бывших хозяев квартиры не рассказывал, зная, как она относится к такого рода рассказам.

– Вы не знаете? – удивилась Роза. – Ваш муж занял место Соломон Савельевича!

– Мы стараемся редко говорить на рабочие темы, – виновато пожала плечами Валечка.

– Понимаю! Режим секретности! Сейчас вся страна – сплошной режим... Секретности! Тира... – соседка спохватилась, что её понесло куда-то не туда, и резко оборвала себя на полуслове. – Вообще, в вашей квартире раньше жила прекрасная семья по фамилии Мазо, – выйдя из трамвая и убедившись, что её никто не слышит лишней, продолжила Роза, – муж – Соломон Савельевич герой Гражданской войны, с шашкой наперевес устанавливал в городе советскую власть, потом боролся с контрреволюцией, идеал, ленинец! Его жена Валерия Львовна – прекрасная женщина, добрая воспитанная, интеллигентная, не то, что эти из так называемой новой советской элиты, хабалки из деревень, только что отошедшие от сохи. Знаете, милочка, как говорят: «Девушку из деревни вытравить можно, а вот деревню из девушки...» В ней был шик, блеск, всё, что присуще дворянке. Квартиру эту они получили, как только Мазо возглавил наркомат внутренних дел республики. Всего пару месяцев назад...

– И? – напряжённо поторопила тётю Розу Валентина.

– И с этого момента начались проблемы... За Соломон Савельевича всерьёз взялись товарищи компетентные из Москвы. Там, как раз, поменялось руководство. Старые ленинцы оказались не в чести... – соседка грустно покачала головой. – Вы ничего, что я так прямо? – нахмурилась женщина, ведя Валю под ручку, словно маленькую девочку, по-мужски как-то. – Сразу вспомнилось, что Валерия Львовна дворянка, да не из простого рода, а самого, что ни на есть графского, во время революции её первый муж перешёл на сторону белогвардейцев и основательно потрепал тут в Балаклее советские части с небольшим отрядом юнкеров. Лерочка попала под следствие, а когда следствие и наш гуманный суд, самый гуманный суд в мире разобрался, постановив арест и расстрел, как врага народа безобидной женщины, Соломону Савельевичу попали в руки эти списки, увидев свою жену, он покончил с собой, не выдержав такого...

Они стояли на пороге центрального универмага Харькова, где за стеклянной витриной виднелись заполненные полки товаров.

– Её расстрелять постановили только за то, что её первый муж был белым, а она дворянкой?– изумилась Валя. Живя с большим чином НКВД, она жила, словно в своём отличном от остальных изолированном мире. Они мало говорили про работу, да и чего греха таить, последнее время вообще ни о чем не говорили. Для Валентины стало настоящим откровением то, что ей рассказала о семье Мазо Роза. В её мире суд был справедлив, а расстреливали только отъявленных бандитов или настоящих врагов социалистического государства, вроде членов ленинградского дела, сгубивших товарища Кирова.

– Да такое сплошь и рядом! Идёт большая чистка... Смотри, дорогая, как бы твой муж не попал бы в её жернова,– покачала головой Роза,– я не знаю никого, кто бы вернулся оттуда...

– И вы так смело говорите об этом! Неужели не боитесь?– озадаченно спросил Валечка.

– Отбоялась я своё, деточка. В революцию, в Гражданскую... Совсем отбоялась. Теперь меня сам черт не испугает! Одно жалко, если мой Марк останется один... Этот оболтус никак не приспособлен к самостоятельной жизни. А вот кстати и он...

Только сейчас Валя поняла насколько была права в личной характеристике своего супруга тётя Роза. Это был очень полный, с запорожскими обвисшими усами мужчина, слегка лысоватый, в сером костюме тройке дорогого покроя. Его взгляд постоянно бегал по сторонам, с трудом сосредотачиваясь на чем-то одном, словно искал все время что-то. Речь была торопливой, слегка заикающейся, а дорогие туфли из настоящей кожи были стоптаны и кое-как зашнурованы. Вид Марк Розенштейн имел комичный и немного чудаковатый. Он настолько сильно отличался от привычных друзей и сослуживцев её мужа, с которыми Коноваленко было знакома, что она помимо воли улыбнулась при виде такого экземпляра.

– Розочка моя...– проканючил Розентштейн, обнимая свою супругу, которая была явно довольна произведённым на Валю эффектом.– Где ты запропастилась? Я жду тебя уже битый час с того момента, как ты мне протелефонировала из дома. У меня же дела! Как ты не понимаешь! Сегодня привезли новый товар, очень изысканные и дорогие цветочные горшки с фабрики «Москвичка». Их надо принять, посчитать...

– Подождут твои горшки, Марк!– строго осадил его тётя Роза.– Я привела к нам нашу новую соседку. Познакомься, это Валентина Коноваленко – жена нашего нового начальника республиканского НКВД. Валя – это мой муж Марк.

Они улыбнулись друг другу и приветливо кивнули в знак знакомства, но в какой-то момент Вале показалось, что во взгляд Розенштейна мелькнул испуг.

– Мы решили прогуляться по твоему хозяйству... Осмотреться и может быть что-то приобрести для дома.

– Конечно-конечно, девочки,– обрадовался Марк тому, что ему не придётся везде сопровождать свою жену и выслушивать её длинные и нудные наставления,– универмаг в вашем полном распоряжении. Продавщиц я предупрежу. Они все вам покажут и расскажут.

С этими словами они вступили за стеклянную дверь универмага «Харьков». С этого самого момента, Валя, словно попала в другой мир, красивых вещей и модных в союзе нарядов. Им показали всё, что только можно было. От простых и доступных каждому жителю республики платьев, до тех, которые могла купить только элита Украинской ССР.

От обилия расцветок и фасонов у Вале закружилась голова. Она очень давно в Москве посещала такие магазины, и теперь изрядно соскучившись по такому времяпровождению, с головой окуналась в это всё. Тем более Роза оказалась интересной и весёлой собеседницей, не дававшей её скучать на протяжении трёх часов, проведённых внутри универсального магазина.

Время пролетело незаметно. Как и предполагала Валя, такой способ развеяться оказался вполне действенным. Молодой лейтенант, занимавший уже пару дней все её мысли, из головы выветрился вместе с покупкой нового платья отличного покроя, которого на обычном прилавке не достать. Настроение поднялось, и женщина всё-таки решила попробовать наладить с мужем отношения сегодня вечером. Хотя бы ради Глеба, ради сохранения семьи. Ведь, будь

он хоть чуточку ласков, то никаких бы проблем не было. Они жили бы по прежнему хорошо. Эта обманчивая мысль не давала ей покоя. Недавно думавшая о том, что совсем не любит своего мужа женщина, теперь считала по-другому. Ей он казался сегодня единственным близким человеком, который остался у неё на этой земле, после Глеба и матери, и пусть это не та любовь, о которой пишут книги, сочиняют стихи и поют романсы, это чувство достойно уважения и последней попытки спасти его.

У подъезда с тётей Розой они распрощались, договорившись о том, что Валентина обязательно забежит с утра к Розенштейнам попить кофе и немного поболтать. После этой открытой и яркой женщины, наполненной эмоциями, как действующий вулкан, женщины у Коноваленко осталось приятное послевкусие. Она мигом поднялась в квартиру, зажгла везде свет. Андрея дома не было. До пяти часов вечера оставалось ещё куча времени, чтобы приготовить небольшой и вкусный ужин, а так же привести себя в порядок.

За каких-то два часа до прихода супруга домой, Валя умудрилась запечь курицу, купленную по дороге на Конном рынке, недалеко от универсама, где работал Марк Розенштейн, убраться немного в квартире и принять ванну, но ни в пять, ни в семь, ни даже в девять Андрей с работы не вернулся. Валентина несколько раз набирала, оставленный возле домашнего телефона номер его приёмной, но каждый раз долгие длинные гудки оканчивались сбоем, никто не брал трубку.

Она уже начала грустить, сидя перед заполненным продуктами праздничным столом. Наложила себе салата, вяло поковырялась в тарелке, но аппетит пропал вместе с погожим настроением. Ведь так было всегда. Работа для мужа была на первом месте, а ведь мог бы хотя позвонить, предупредить, так, мол, и так, дорогая... Задерживаюсь, буду к полуночи. Ты ужин не готовь, меня не жди, а ложись спать... Но нет... А когда она ему последний раз готовила? Может муж и ждать перестал, что по нему кто-то будет скучать, торопить с работы, поминутно поглядывая на часы? Может в их разладе есть и её вина?

Валя гневно отставила тарелку с салатом в сторону. Упавшая вилка громко загремела, неловко сброшенная локтем со стола. Вина? Крымская «Массандра», подаренная ей Марком на прощание, как презент для мужа, стояла в самой середине украшенного стола. Будь, что будет... Она залпом опрокинула бокал терпкого ароматного напитка. Услышав, как повернулся в замочной скважине ключ.

– Валентина! – позвал её от порога Андрей, снимая форменную фуражку. – Валя! Валя! Ау! Ты почему не спишь?

Зашёл он на кухню, найдя жену в огромной ещё в не совсем знакомой и привычной квартире. Валя сидела за полным продуктами столом, уставившись в одну точку. По щеке её текли слёзы. Ей было горько своих стараний, своей попытки, которую, увы, никто не оценил.

– Ты почему не спишь? – повторил свой вопрос Коноваленко, присаживаясь напротив. Накрыв её ладонь, своей рукой. – Я подъехал, смотрю в окнах свет. Уж испугался, что что-то случилось...

В его голосе Валентине показалось, что-то знакомое, родное. А вдруг? Вдруг? Она шмыгнула носом, вытирая катившуюся слезу.

– Вот, – обвела она с вымученной улыбкой рукой всё столовое великолепие, – решила мужу устроить праздничный ужин...

– Извини, – нахмурился Андрей, – сегодня облаву проводили на налётчиков. Стрельба, сама понимаешь... Очень сложное задержание! Завтра на работу, – он бросил взгляд на наручные часы. Половина первого... – очень рано на работу. Извини, родная, – он провёл ладонью по её щеке, и Валентина прижалась к ней в ответ, словно маленький котёнок. Потёрлась об неё и поцеловала крепкие пальцы, пахнувшие порохом.

– Я все понимаю... Жаль только продукты перевела, – улыбнулась она, не отпуская руку супруга.

– Утром позавтракаю!– отмахнулся Андрей, поднимаясь со своего места.

– Постой...– Валентина прижалась к нему всем телом, нежно проведя пальцами по его небритой шее.– Я...

Её жадные губы нашли его щеку. Еле коснулись её, сползая игриво до краешка плотно сжатых губ. Она попробовала провести по ним языком, слегка раздвинуть их, но те оставались по-прежнему непреклонными и холодными, никак не отвечая на поцелуи. Ничего не понимая, что происходит, Валя открыла полуприкрытые глаза и взглянула на хмуро стоящего перед ней мужа.

– Что-то не так?

– Валь, я же сказал, что устал...– отстранился он от неё, отодвигая супругу чуть в сторону, как какой-то мешающий предмет мебели.– Задержание, сама понимаешь...

– Понимаю...– кивнула Валентина. Тугой комок осознания того, что попытка вернуть мир в семью не увенчалась успехом, стянула ей горло. Она еле смогла совладать с собой, чтобы выдавить из себя подобие улыбки. Она не нужна своему мужу, ни как жена, ни как женщина! Так больно ей ещё никто в этой жизни не делал! Обида и боль убили последнюю надежду.

– Конечно...устал...– отвернулась она, начав собирать со стола, чувствуя прямой немигающий взгляд супруга у себя на спине, молясь лишь о том, чтобы не всхлипнуть от боли.

– Извини...Я...– Андрей попытался её обнять, но Валя рывком освободила свои плечи, сбросив его ладони.

– Устал, иди спать!– коротко ответила она, уходя в ванну, а Андрей лишь грустно смотрел ей в след, понимая, что они стоят на пороге чего-то переломного в их жизни. Почему он ей отказал? Хотел проявить характер? Ведь в ссоре они были уже больше месяца. Прочитать? Или он, действительно, потерял интерес к ней, как к женщине? На этот вопрос он, пожалуй, и сам не знал ответа. Со вздохом он, тяжело ступая, направился в свою комнату, даже не понимая, что сам того не желая своими сегодняшними действиями дал отсчёт чему-то ужасному, жуткому, тому, что перевернёт их с Валентиной жизнь и жизнь ещё нескольких людей с ног на голову, что с этого момента колесо судьбы завертелось в другую сторону, готовое перемолоть их в беспощадных жерновах истории.

ГЛАВА 11

Утром в управлении было необычайно многолюдно. Я прошёл по коридору, встретив больших чинов из облисполкома, милиции, несколько представителей прокуратуры. Все суетились, бегали по кабинетам. В конце коридора слышались громкие надрывные рыдания.

Я прошёл чуть дальше, чтобы посмотреть, кто это ревет. Оказалось, что жена капитана нашего начальника Жидкова – Ирина Васильевна. Молодая барышня лет тридцати, намного младше своего мужа. Теперь она сидела на лавках в конце длинного коридора первого этажа, брошенная и забытая всеми, обхватив растрёпанную, непокрытую ничем голову обеими руками, плача навзрыд. Услышав мои шаги, она подняла красные зарёванные глаза на меня, вытирая слёзы платком.

– Саша? Клименко? Ты?

Я кивнул, не зная, что мне сказать сейчас, чем утешить женщину, потерявшую единственного кормильца в семье, оставшуюся с тремя малолетними детьми одной. Насколько мне было известно, Ирина Васильевна ни дня не работала нигде. Едва они с Жидковым расписались, когда ей исполнилось восемнадцать. Родителей она потеряла в революцию, прибилась к одну из полков, расквартированных в Харькове, которым как раз командовал Жидков, так и осталась с ним до конца...

– Как?! Скажи как?– посмотрела она меня полными отчаяния глазами.– Как получилось так, что все вернулись живыми, а он...Он убит?! Как? Почему именно он?!

Бессмысленно было ей говорить, что такое могло случиться с каждым, что и я, идя первым перед цепью, мог схватить эту пулю, мог и Василь Конопатов, даже начальник управления...

Бессмысленно оправдываться в том, что остался живой, а её муж лежит в областном морге с пробитой грудью. Глупо, как-то оправдываться...

– Там какие-то документы надо собрать... Чтобы пенсию тебе и твоим детям платили, насколько я знаю, – отводя глаза в сторону, посоветовал я.

– Сволочи! Вы все тут сволочи! – тихо и зло прошептала Ирина. – Вы, как клубок змей здесь вертитесь, лишь бы тебя не укусило, на остальных людей вам глубоко плевать... Зачем я сюда пришла? Хотела вам в глаза посмотреть... Как должность моего мужа уже делите, пока он мёртвый лежит.

– Я...

– Не смей! – она отвесила мне звонкую пощёчину. Такой силы от этой худенькой женщины я никак не ожидал. Щёку обожгло горячей болью. – Не смей меня перебивать! Вы все тут совесть давно продали, а те, кто не продал, те спрятали её куда-то далеко, чтобы не мешала творить ваши гнусности.

– Ирина... – попробовал я встать и уйти, но она ухватила меня за руку.

– Все вы сгинете за то, что творите в своём управлении. Все до единого! Никому не станет нужно то, что вы тут делаете, считая важным... Только моего мужа... уже никто мне не вернёт.

– Извините, мне пора, – я рывком, совсем невежливо вырвал свою ладонь из её удивительно крепких пальцев. Зачем я вообще к ней полез? Зачем со своей инициативой опять попал под неприятности. На душе после этого непростого разговора остался неприятный осадок. Я ловил на себе насмешливые взгляды остальных сотрудников, проходящих мимо нас, чувствуя себя гадко, словно вымазался в чем-то противном и липком.

– Извините... Вы про пенсию узнайте!

Я быстрым шагом вернулся к широкой лестнице на второй этаж, где находился наш отдел. В след мне донеслись опять приглушённые рыдания вдовы Жидкова. Кажется, она пришла сюда сегодня вовсе не за льготами и пенсией, а просто выплакаться, выреветься, выбросить ту боль, саднящей раной, сидящую у неё в груди.

У красного знамени, на посту номер один стояла фотография капитана Жидкова. В траурной рамочке с надписью, что данный офицер погиб в борьбе с бандитизмом. Стараясь не смотреть на неё, прошмыгнул в нашу каморку, где собирались опера.

В кабинете уже сидел Василий, баюкая свою раненую руку, замотанную плотным белым бинтом, будто там действительно была серьёзное ранение.

– Доброе утро! – поздоровался он, привставая на старом табурете.

– Если он доброе... – буркнул я, плюхаясь на своё место, заваленное бумагами до самой настольной лампы. Вчера на эмоциях после проведённой операции мне удалось уснуть далеко не сразу. Я ворочался, ходил курить, раз за разом перематывая в голове события прошедшего дня. Мог ли я, что-то сделать, спасти Жидкова, если бы не пошёл в другую сторону, а был бы рядом? Вряд ли... Капитан – в прошлом лихой кавалерист, в сущности добрый малый, безнадежно отставший от современной тактики и стратегии, но исполнительный и верный партии товарищ, не послушался и повёл облаву так, как повёл, зато Бритва и его сообщники ушли бы, зато сейчас нападения на инкассаторов прекратятся, деньги госрезерва в безопасности, а в безопасности ли? У ж слишком всё гладко получилось... Отчего на душе остался неприятный осадок. Искали эту банду всем Харьковым, столько сил потратили, обыски, облавы, всё впустую, а тут раз... И все кончено. Странно даже...

– Видел вдову Жидкова? – кивнул куда-то на дверь Василь, чтобы как-то начать разговор.

Я кивнул. Разговаривать с Василём не хотелось. Вот капитан убит, а этот хлюст руку свою поцарапанную баюкает, словно её оторвало. Я знал, что так думать нельзя, несправедливо, но ничего с собой не мог поделать. Я впервые терял людей во время операции, людей, которые ко мне относились довольно неплохо. Были, если не друзьями, то отличными товарищами и рассудительными начальниками. Никогда не думал, что это оказывается так больно. Василь

всё понял. Он был неглуп, а потому замолчал, давая мне время выстрадаться, угрюмо уткнулся в стакан с чаем, о чем-то сосредоточенно думая.

– Товарищи офицеры, – в нашу каморку зашёл Секретарь. Власенко сегодня был в форме, туго стянутый портупеей, словно тростинка, худой, бледный, в огромных круглых очках, которые никак не ладилась с его офицерским образом. Хромовые сапоги скрипели при ходьбе и были удивительно начищены до зеркального блеска. Левая рука у него была перевязана траурной алой ленточкой. Мы мгновенно вскочили, вытянувшись во фронт. Это было первое посещение всеильного заместителя наших скромных пенатов.

– Приказом начальника управления НКВД по городу Харькова и Харьковской области капитан госбезопасности первого ранга Жидков за борьбу с бандитизмом и врагами народного хозяйства награждён орденом Владимира Ильича Ленина, увы, посмертно... Тем же приказом временно исполняющим обязанности оперативного отдела управления назначается Конопатов Василий Алексеевич, проявивший доблесть и мужество в задержании особо опасных преступников.

– Служу Советскому Союзу! – гаркнул бодро Василь, но поймав мой насмешливый взгляд смутился и смазал концовку. Мы-то оба знали, кто на самом деле устранил Бритву.

– Времени рассусоливать некогда, ребята, – кивнул Секретарь, утратив всю свою официальную важность. Снял очки, присел на свободный стул, предназначенный у нас в кабинете для допроса задержанных, – Москва требует действий! Наркомат в бешенстве! Банда поймана, уничтожена, но госрезерв находится в госбанке, а не здесь, под нашей охраной. Конопатов?

– Я!

– Ты, как преемник капитана Жидкова, разберись в его записях, планах по переброске денежных средств под нашу охрану.

– Слушаюсь!

– А ты, лейтенант, займёшься другим направлением нашей деятельности... Москва требует усилить розыск врагов трудового народа в рядах нашей партии...

Я поморщился. Никогда не занимался политическими преступлениями. Считал это чем-то грязным и подлым, а может, как и товарищ Мазо ошибочным. Как можно было по нормативу восемь человек в месяц искать предателей? Хорошо, если из этих восьми, хоть один действительно «контра», чаще бывало, что сажали совершенно безвинно. За неосторожно сказанное слово, брошенную неугодную фразу, по наветам и клевете.

– Не довольны? Или может вы не согласны с нашим наркомом товарищем Ежовым, что гидра заразы распространялась почти во сферы жизни нашего молодого и здорового социалистического организма? Или вы не согласны с товарищем Сталиным? – Секретарь испуганно вжал в голову в плечи, словно поминая всуе отца народов, получит тут же мгновенное и неотвратимое наказание.

– Никак нет! – гаркнул я, понимая, что от этого поручения мне не отвертеться.

– Пока товарищ Конопатов займётся разработкой планы перевозки ценностей. Я вас попрошу разобраться вот в этом деле... – Секретарь бросил картонную папку, перевязанную тесёмками на мой стол. – Помните, что у нас горит план отчётности перед Москвой.

– Слушаюсь!

Секретарь усмехнулся и вышел, тихонько претворив за собой дверь. Он всегда так ходил, словно крался. Я раздражённо стукнул кулаком по столу и сел.

– Хочешь вместо тебя съезжу на задержание? – предложил Конопатов, наблюдая за моей реакцией.

– Тебе нельзя, – огрызнулся я, расстроенный полученным приказом, – ты у нас теперь начальник.

Василь все понял и замолчал, а я раскрыл материалы дела, искренне надеясь, что это действительно враг народа, а не как обычно болтливый научный сотрудник, рассказавший про вождя неприличный анекдот. Так...

В деле были лишь две коротеньких справки и длинный опус, написанный от руки. Быстро пробежал глазами выдержки от участкового. Так... Марк Розенштайн 1888 года рождения, урожденный еврей, проживает в Харькове с с рождения. Происходит из семьи ювелиров. На момент Великой Октябрьской его отец владел небольшим магазином по ремонту и продаже украшений. После свержения монархии изъявил желание остаться в стране, добровольно передал все семейные ценности на благо революции. Отец и мать уехали в Париж. В данный момент их местонахождение неизвестно. Был директором продовольственного магазина на Блюхера. Состоял в комиссии по новой экономической политике при республиканском исполкоме. В 1935 году назначен на должность директора универсального магазина «Харьков». Женат. Детей нет. По месту жительства характеризуется, как ответственный квартиросъемщик и неконфликтный человек.

А вторая справка о ком? Подумал я, хотя уже примерно знал о ком... Сколько мне таких справок пришлось перечитать за последний год или два? Сотни, десятки? И за каждой из них, за сухими строчками казённого текста целые человеческие судьбы, искалеченные, измолотые неповоротливой политической машиной.

Роза Розенштайн, урождённая Вихель. Еврейка из богатой харьковской семьи фабрикантов. Отец – владелец завода по производству посуды. В 1917 году бежал в Австрию, спасаясь от большевиков, бросив всё семью на произвол судьбы. Матери Розы пришлось срочно искать для девицы на выданье, коей была молодая еврейка хорошую партию. В браке с Марком Розенштайном. Детей нет. Домохозяйка.

Я медленно перевернул справки, доставая третий листок, исписанный грубым, отнюдь не каллиграфическим почерком. Внимательно вчитался в косые строчки.

Довожу до вашего сведения, что мой начальник – Марк Иосифович Розенштайн, управляющий универсальным магазином «Харьков» неоднократно пользовался своим служебным положением в личных целях. Так 22 мая 1937 года он вне очереди выписал себе новый холодильник «ЗИЛ» со склада и отправил его к себе домой, что, на мой взгляд, является грубым нарушением этики советского руководителя. Вчера 21 июля в универмаг пришла его жена вместе со своей подругой. Марк Иосифович отдал приказ работницам торгового зала немедленно обслужить супругу с гостьей, оставив без внимания остальных посетителей. Докладываю вам, его женой было приобретено два шелковых платья по 105 рублей каждое, и шуба за 210 рублей, что много больше зарплаты честного советского директора магазина. Из чего можно сделать вывод, что Розенштайн занимается фарцовкой и перепродажей товаров, скупая их в универмаге по обычным ценам, а продавая втридорога. Кроме этого Марк Розенштайн в перерывах неоднократно хаял советскую власть и лично товарища Сталина, склонял работников торгового зала к саботажу. В связи с этим, прошу рассмотреть вопрос о благонадёжности гражданина Розенштайна.

Главный бухгалтер универмага

Тов. Костенко В.И.

На кляузе широким размашистым почерком нового начальника было написана резолюция: «Задержать до выяснения»

– Бред же полный! – разозлился я, хлопнув кулаком по столу. – Бред!

– Что там? – потянулся к папке Конопатов, открыл, быстро пробежавшись глазами. Спорить я не стал, начальник всё-таки, как-никак.

– Бред! Ведь понятно, что это самый настоящий донос! Написанный этим Костенко лишь с одной единственной целью, занять место самого Розенштайна! – нахмурился я. – Каким надо быть кретином, чтобы посреди торгового зала публично хаять товарища Сталина?

– Успокойся, Саша... – поморщился Василь, откладывая папку себе на стол. – Таких доносов сотни приходят к нам в контору и на каждый сигнал мы обязаны реагировать.

– Реагировать? – вскочил я со своего места. – А хочешь я расскажу, как будет на самом деле? Хочешь? Эту семью арестуют по 58-ой статье, запрячут к нашим костоломам в СИЗО на Холодной горе, которые выбьют из них любые признания, повторяю ЛЮБЫЕ! И окажется, что наш директор универмага злостный враг народа, троцкист, готовивший вместе с женой по ночам в двухкомнатной квартире государственный переворот и тайно перепечатавший тезисы Зиновьева на печатной машинке.

– Это наша работа!

– Наша работа искать преступников, Вася! – заорал я, разойдясь не на шутку. – Преступ-ни-ков! – по слогам повторил я. – А это...

– Чистым хочешь остаться? – спокойно уточнил Конопатов, неожиданно нахмурившись. – В милицию надо было идти служить... А мы работаем! И такие заявления... Может быть, если бы не ответственные граждане, вроде товарища Костенко, контрреволюция нас задушила ещё тогда, в восемнадцатом.

– Ну и сука же ты, Конопатов! – процедил я, отстраняясь подальше от своего нового начальника.

– Будем считать я этого не слышал, – не стал обострять напарник, – дело это я у тебя изымаю, а сегодня даю тебе заслуженный выходной за вчерашнюю операцию. Побудешь дома, наберёшься сил, подумаешь, может быть... О целесообразности с такими убеждениями твоей работы в органах!

– Да пошёл ты! – сплюнул я, быстрым шагом покидая кабинет. Дверь позади меня оглушительно хлопнула, оставив Конопатова в одиночестве. Он несколько секунд смотрел в стену прямо перед собой. На его лице блуждала ленивая, несколько рассеянная улыбка. Казалось, что эта история со мной. Моё искреннее возмущение, не только его не расстроили, но даже сыграли на руку.

Василь полез в ящик стола и достал чистый листок. Быстренько набросал текст кляузы. Первой бумаги в моем личном деле. Аккуратно сложил пополам и спрятал в стол. Потом вызвал дежурный наряд к воротам и отправился на задержание. Настроение у него было приподнятым и благодушным. Он кого-то похлопал по плечу, пошутил с дежурным. Ощущение от новой должности были самые замечательные. Казалось, что все смотрят на него теперь по-другому, все ждут решительных действий. Повязку на руке он снимать не стал. С ней у него создавался образ бывалого вояки, опытного чекиста. Водитель полуторки уважительно покосил на бинты, но ничего не спросил, все и без того знали про вчерашнюю операцию.

– Куда едем, товарищ лейтенант? – уточнил он, когда в кузов уселись четыре солдата из роты охраны, а Василь занял место рядом с шофером.

– Для начала в универмаг «Харьков», потом на... – он быстро заглянул в постановление об аресте. – На Кирова! К ведомственному дому.

Мотор взревел, выбросив из выхлопной трубы облако сизого дыма. Полуторка качнулась на рессорах, мягко трогая с места, а Василь уже смотрел в окно на проплывающий там город, медленно варящийся в летнем мареве Харьков, думая о том, что жизнь постепенно налаживается. Все концы к Колу обрублены. Никто не подозревает, что банда налётчиков осталась цела и невредима. Деньги повезут по его, Конопатова плану, в котором он будет знать каждую точку, каждый метр маршрута. Именно он подскажет вору, где идеальней будет всего напасть на конвой. Вместе они разыграют беспроегрешную партию, сделав так, чтобы Василь остался вне подозрений. Ему лишние пятна на биографии не нужны, особенно сейчас, когда карьера стала складываться самым наилучшим образом. Начальник оперативного отдела, а там... Чем черт не шутит? Избавиться бы только от этого чистоплюя Клименко... Но он вспыльчив и болтлив

не в меру, не умеет свои мысли держать при себе. Каждая его ошибка будет аккуратно записываться и прятаться в ящик стола, чтобы когда масса станет критической...

Его мысли прервал водитель, затормозив рывком у прямоугольного здания ведомственного дома, где проживали партийные бонзы республики, которым советский народ доверил денно и ночью заботиться о собственном благополучии.

Красивый уютный дворик, аллея с вековыми липами, несколько лавочек с пенсионерами, игравшими в домино – всё это создавало какую-то уютную атмосферу. При виде черного «воронка» они затихли, выжидательно наблюдая за тем, в какой подъезд направится конвой. Конопатов был уверен, что сейчас у каждого из них гулко бьётся испуганное сердце в груди, потеют ладони и каждый из этих благообразных старичков мысленно надеется, что это не к нему, а к соседу.

Возле машины выстроились трое автоматчиков. Василь поправил перевязь на руке, важно прищурился, осматривая двор, нарочно держа паузу, теща своё самолюбие, наслаждаясь этой дрожью и ужасом, пронизавшим партийных чиновников в этот выходной собравшихся во дворе, чтобы скоротать день за партейкой другой домино.

Лениво, растягивая время, он отдал им честь, взяв под лакированный козырёк своей форменной фуражки. Двинулся к подъезду, где проживала семья Розенштайнов. Позади, возобновились тихие разговоры, послышался настороженный шепоток, кто-то испуганно охнул, как особо впечатлительная девица. Позади топали двое срочников из роты охраны, взятых скорее для устрашения и солидности. Конопатов был уверен, что Марк не станет оказывать вместе со своей женой сопротивления.

Перепрыгивая через ступеньку, он легко поднялся на нужный этаж и постучал в дверь. Это тоже было неким жестом устрашения, работники органов нарочно в таких случаях стучали, хотя на двери располагался звонок.

– Секундочку! – послышался звонкий женский голос из-за двери. Тонкая филёнчатая дверь почти не скрывала звуков, доносящихся из квартиры. – Марк, открой дверь, будь так любезен. Иначе твои любимые оладушки подгорят и ты останешься без завтрака...

Всё это звучало настолько подомашнему, что позади Василя один из срочников тяжело вздохнул. Василю пришлось обернуться и бросить на нарушителя дисциплины строгий командирский взгляд, напоминающий тому о том, что работников органов госбезопасности не имеет права давать себе слабину и жалеть государственных преступников.

– Сейчас, Розочка! Уже бегу!

Со злостью от этой идеаллической картины Конопатов застучал сильнее и нетерпеливее. Тонкая дверь содрогнулась под его ударами кулака, норовя вывалиться вместе с коробкой.

– Да кто там... Кого с утра пораньше? – ворчал директор магазина, шаркая домашними войлочными тапочками совсем близко. Загремела снимаемая цепочка и щёлкнул замок.

– Простите... – растерянно пробормотал Розенштайн, переводя взгляд с Конопатова на конвой с автоматами, торчащий позади него.

– Гражданин Розенштайн? – уточнил на всякий случай Василь, хотя и без того знал, что это он.

– Товарищи, а что собственно...

– Мы войдём? – не дожидаясь ответа Конопатов оттолкнул грубо полноватого мужчину в глубь коридора. Марк покачнулся, опрокидывая небольшую тумбу с декоративной дорогой вазой. Ваза разлетелась вдребезги, как ей и положено.

– Товарищи! Я не понимаю... – промямлил Розенштайн, вставая. По его волосатой руке, покрытой черным курчавым волосом чиркнул осколок фарфора. По его запястью теперь текла струйка крови, но страх перед ворвавшимися в его дом людьми был столь велик, что он её не замечал.

– Марк... Доро... – Роза замерла на пороге комнаты, испуганно переводя взгляд с Конопатова на своего мужа.

– Розочка...

– Что вы себе позволяете, товарищи? – вскинулась она, намного быстрее придя в себя, чем супруг.

– Ваш муж обвиняется в антисоветской деятельности и будет задержан, – спокойно сообщил ей Конопатов, напряженно улыбаясь.

– Кто?! Марк? Да он...

– Роза... – голос её мужа дрогнул. – Не надо...

Он попятился назад, схватившись за вдруг заколовшее сердце. Розенштайн побледнел и прислонился к стенке.

– Не надо, гражданка! Ваш муж говорит правильные вещи, хоть и враг народа... – улыбнулся Конопатов, поправляя кобуру с важным видом.

– Он – враг? – Роза бросилась с отчаянным криком в лицо Василью. Ее полные пальцы вдруг мёртвой хваткой уцепились в его волосы и стали тянуть его голову вниз. Она отчаянно кричала, редела и плакала, слов в этом потоке было не разобрать.

– Розочка...

– Стоять! – один из конвоя шагнул навстречу Марка, щелкая затвором автомата.

– Дапусти ты, глупая баба! – Василь с одной рукой не мог совладать с Розой, а она ослепленная страхом все рвала и рвала его волосы на голове, пыталась выцарапать глаза, но он ловко уклонялся, пряча голову в подбородок. Щеку обожгла царапина от острых длинных ногтей.

– Да успокойте ее, вашу мать! – рявкнул Василь, прижатый к стенке.

Сильный удар приклада в спину опрокинул Розу на него. Она громко ойкнула и подалась вперед, хватая ртом воздух.

– Сука! – свободной рукой Конопатов ударил Розу по лицу. Голова женщины откинулась в сторону, а губа сразу же лопнула. – Тварь!

Он со всей силы ударил её в живот, опрокидывая на спину.

– Сука! – тяжелый подкованный сапог вонзился куда-то в область спины. Роза выгнулась, лежа ничком, громко застонав.

– Розочка! – Марк кинулся супруге на помощь, но ствол автомата уперся ему в грудь.

– Стоять!

Василь с ненавистью вытер с лица кровь. Царапина от ногтей оказалась глубокой и сочилась из раны тонкой струйкой крови.

– Похоже, гражданка Розенштайн, вы оказались в сговоре со своим мужем-антисоветчиком и будете так же задержаны за сопротивление органом госбезопасности, – процедил он, доставая из кармана галифе отутюженный носовой платок. Скрепя зубами, приложил к ране, чувствуя неприятное жжение.

– Это... это бесчеловечно! – выдохнул Марк, вытирая текущие по щекам слёзы.

– Уводите их! – кивнул Василь.

Один из срочников подхватил женщину под руки. От боли та почти потеряла сознание. Глаза её закатывались куда-то вверх, а сознание от удара кулаком терялось. Однако, на лестничной площадке она рассмотрела замершую этажом выше Валентину, наблюдающую за арестом с заплаканными глазами.

– Вот и пришёл наш черед, девочка моя... – проговорила она одними губами так, что эти слова, сказанные на прощание смогла разобрать только сама Коноваленко.

Увидев её, Конопатов злобно ощерился.

– Вы кто такая, гражданка? – недовольно бросил он, останавливаясь на лестничном марше.

– Коноваленко Валентина Владимировна! Жена майора госбезопасности Коноваленко Андрей Викторовича, – поджав губы, решительно сообщила она, шагнув вниз, – мы живем над семьей Розенштайн. За что задержаны эти люди?

Фамилия начальника оказала на Василя волшебное действие. Он подтянулся и даже попробовал убрать с лица недовольную мину.

– Я бы не советовал жене столь высокопоставленного чиновника интересоваться такими вещами... – выдавил он из себя, провожая взглядом конвой вместе с четой Розенштайнов, которым даже не дали толком собраться, забрав из дома прямо в домашнем.

– А я бы не советовала советовать жене своего начальника! – коротко отрезала Валентина. Потом она удивлялась, откуда у нее взялась эта сила, так четко и ясно ответить зарвавшемуся лейтенанту. – Отвечайте!

– Враги народа! Приказ подписан вашим же супругом! – он протянул Вале помятую бумажку с ордером на арест.

Валя вчиталась в каллиграфически выведенные буквы. Этот почерк она бы узнала даже среди миллиона других «задержать до выяснения». Сердце куда-то ухнуло. Почему так? Почему единственного её друга, который появился в этом недружественном для нее городе, забрал ее муж? Почему именно так? Сначала мать, потом сын, теперь Роза с ее безобидным подкаблучником мужем... Почему он всех забирает вокруг нее, не оставив ничего взамен?

– Разрешите идти? – Конопатов воспользовался растерянностью женщины и взял под козырек, аккуратно выудив из рук Вали смятую бумажку.

Почему так? Почему страна сама себя уничтожает? Почему умные думающие люди должны жить в страхе? Почему таких, как Роза Розенштайн и ее муж, ничего не замышляющих против советской власти, арестовывают?

Валя даже не заметила, что осталась на лестнице одна. В подъезде царил тишина. Жильцы переживали бурю, молясь лишь о том, чтобы следующими за кем придут стали не они. Коноваленко пошатнулась и схватилась за перила. Идти в магазин перехотелось. На сердце осталась лишь горькая пустота.

ГЛАВА 12

С трудом она поднялась, словно опущенная в воду, на свой этаж. Не с первого раза попала в замок ключом, чтобы отворить дверь. Руки дрожали и не слушались. Перед глазами стояла Роза с разбитым в кровь лицом в одном домашнем халате и исподнем, торчащим из-под него.

Что творится в её стране? Ради этого люди делали революцию, сменяли вождей? Это завещал великий Ленин, когда выступал на первом съезде? Ах, какое было прекрасное время! Какие планы строили люди! О чем думали? Что построят новую жизнь, где не будет угнетения, где не будет страха... А что теперь? Почему все настолько исказилось, что белое стало черным, а черное белым? Почему человек свободный не может говорить в полный голос о том, о чем он думает? Почему вокруг сплошная цензура? Почему ты выходишь из дома и беспрестанно оглядываешься, опасаясь, что вот-вот из-за угла появится «воронок», тебя погрузят в его всепоглощающее черное нутро, и ты просто исчезнешь по чьему-то навету? На судьбе твоих родственников поставят жирный нестираемый ничем крест, клеймо врага народа, а вместо тебя останется лишь скупая строчка приговора «десять лет без права переписки». Был человек и нет человека... За это ли боролись в далеком семнадцатом году их отцы и матери? Этого хотели? Или просто система изменилась, исказилась, сломалась?

Эти простые, но одновременно ужасные мысли, осознание своей жуткой беспомощности перед государственной машиной, поразили Валентину до глубины души. И то, что её муж причастен к этому, что с его попустительства все это происходит, вызвало в ней глубокую волну отвращения. К себе самой, к своему супругу, к их жизни, которая отдает приспособленчеством...

– Валечка... – она не заметила, как Андрей зашел в комнату, его крепкие руки обняли ее за плечи, будто пытаясь вырвать из плена этих жутких мыслей. Она брезгливо повела телом, стряхивая их. А может этими самыми руками он только что привел в исполнение приговор доброй и милой семье Розенштайнов. Именно эти пальцы спустили курок.

Коноваленко заметил ее состояние. Они слишком долго прожили вместе, чтобы он не понимал свою жену. Андрей отстранился и присел напротив на корточки. Взял её руки в свои холодные ладони и посмотрел в глаза.

– Я сегодня решил освободиться пораньше, – сообщил он ей, глядя прямо в глаза, – пора и нам осмотреть город, в котором мы живем... Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться немного?

Валентина отстранилась, вставая с табуретки, высвободив свои ладони из его крепких пальцев. Обида от вчерашней ссоры, густо замешанная на сильном эмоциональном потрясении после ареста Розенштайнов, не давала ей находится с ним рядом.

– Что-то случилось? – встревоженно спросил он, твердо решивший помириться с супругой.

– наших соседей арестовали! – преувеличенно спокойно сообщила Валя ему, отойдя к плите, сделав вид, что занимается готовкой, а на самом деле, лишь бессмысленно переставляя тарелки.

– Соседей? – нахмурился Андрей. – Это каких?

– Прекрасные милые люди, – нервно огрызнулась Валя, не глядя в его сторону, – семья Розенштайнов, Марк и Роза. Она домохозяйка, а он директор магазина.

– Странно... – нахмурился муж, поправляя форму.

– Еще как странно, Андрей! – воскликнула она, выронив одну из тарелок на пол. Фарфор с грохотом разлетелся на кусочки. Оба вздрогнули. – Они ничего не замыслили против советской власти! Ни-че-го! А под ордером на арест стояла твоя подпись...

– Знаешь, сколько таких ордеров мне приходится подписывать в день? – огрызнулся Коноваленко.

– И все эти люди виноваты? – повысила голос Валентина. Одиночество, разлука с сыном, разлад в семье, страх за свою жизнь смешались в одну гремящую смесь.

– Я не знаю.... – растерянно пожал плечами Коноваленко.

– А я знаю, что нет! Что вы обычные трусы и ничего большего! Ты руководишь трусами, которые боятся собственной тени!

– Валя...

– Что Валя?! Или я не права? Вы затыкаете рот всем и каждому, который смеет думать не так, как вы! Вы хуже царских жандармов!

– Это тебя наши соседи просветили? – разозлился Коноваленко. – Может там и стоит моя подпись! Может они действительно виноваты! А может и нет! Органы разберутся...

– Знаю я, как они разберутся....

– Надеюсь, ты с ними не успела слишком близко познакомиться?

– А то что? – нахмурилась Валентина.

– Связь с врагами народа порочит звание мое, как офицера госбезопасности, и...

– И что? Нас тоже посадят? – почти закричала Валентина. Из глаз ее брызнули слезы. Она бессмысленно теребила в руках кухонное полотенце.

– Это может очень сильно повлиять на мою карьеру, – заметил Коноваленко, понимая, что говорит не то, что сейчас требуется.

– Карьеру? – разозлилась Валентина. – А что у нас есть кроме твоей карьеры? Может быть семья? Или нормальная спокойная жизнь? Мы только и делаем, что живем твоей карьерой! Она преследует нас! И что толку? Жить в точно таком же страхе, как остальные, но слишком многим жертвовать? Мы меняем города и области, квартиры и дома, а жизнь проходит...

– Валь...

– Я больше не могу так... У меня нет сил!

– Потерпи чуток... Все обязательно наладится!– Андрей шагнул к ней, пытаясь хоть как-то успокоить супругу, но она вырвалась снова из его объятий.

– Мне надоело ждать, Андрей, когда наступит это долгожданное завтра... Я хочу жить в счастливом сегодня.

– Я...

– Извини!– Валентина швырнула полотенце обратно на стол и быстрым шагом выскочила из квартиры. Эти толстые бетонные стены душили ее. Комок слез подкатил куда-то под горло, вырываясь наружу приглушенными рыданиями. Она брела по улице, не разбирая дороги. Прохожие испуганно шарахались от нее, всклокоченной и зареванной. Она сама себе не могла объяснить, что произошло внутри, что сломалось. Просто в миг, когда она увидела арестованных Розу и Марка, ее внутренний стержень не выдержал постоянного одиночества, разлуки с сыном и постоянных переездов, когда она только-только нашла родственную душу тетю Розу, когда вдруг ощутила, что у нее появился человек в жизни, кому интересна ее жизнь, даже в этот момент, работа мужа отняла все. Это было проклятием, преследовавшим Валентину всю сознательную жизнь. Его она вынести не могла. Чувство несправедливости происходящего ломало внутренние границы, меняло сознание женщины, навсегда оставляя позади её по-детски наивные чувства и мысли.

– Валя...– знакомый голос окликнул бредущую по липовой аллее женщину. Она обернулась. Тот самый лейтенант, встречавший их на вокзале Харькова, сидел на лавочке недалеко от их дома, в руках у него был смятый букет полевых ромашек. Наивный, молодой, глупый мальчишка... Сколько ему? Двадцать? Ей почти сорок. На что он надеется, приходя сюда каждый день, дежуря у подъезда, как часовой у полкового знамени? Он же из их системы... Из системы ее мужа! И будь он сегодня в военной форме, то она никогда бы не подошла бы к нему, не откликнулась на его окрик, просто бы прошла мимо, испытывая почти такое же отвращение как к Андрею сейчас, но парень был в черном пиджаке, светлой рубашке в крупную клетку и смешной огромной кепке, надвинутой на глаза, абсолютно ему не идущей.

Валентина остановилась, выжидательно глядя на меня. Глаза красные заплаканные смотрели куда-то мимо.

– Добрый... Здравствуй!– нерешительно начал я, понимая, что сказать зареванной женщине, стоящей на улице одной, добрый день было бы глупо.

Валентина шагнула навстречу мне. Мимо протарахтел грузовик, азартно нам посигналивший хриплым гудком. За рулем усатый шофер приветливо махнул рукой.

– Здравствуй, Саша,– поздоровалась она, вытирая ладонью слезы, напоминающие огромные прозрачные льдинки.

– Я... Тут...– я мял в руках и без того превратившийся в веник букет ромашек, сорванных на городской клумбе.

– Это мне?– кивнула она на цветы.

– А? Да!– спохватился я, пытаясь оправить смятые лепестки. Валентина молча взяла букет. Понюхала. Они пахли свежескошенной травой и свежестью.

– Красивые...– ей уже так много лет никто не дарил цветов. А этот мальчишка с его упрямством, наивной любовью настолько сильно всколыхнул все то, что она давно забыла, спрятала внутри себя, что сердце Валентины захлестнула нежность. Она подалась чуть вперед. И я понял, принял её это бессознательное движение, раскрыв свои объятия. Тепло ее тела согрело меня, заставило вздрогнуть, а дыхание на какое-то время и вовсе остановится, чтобы не спугнуть этот момент высшего счастья. Я зарылся лицом в ее кудрявые волосы, вдыхая аромат дурманящей свежести, чувствуя себя, будто во сне, не веря такому чуду. Валентина попробовала поднять голову, чтобы посмотреть мне в глаза, но ее лоб наткнулся на мои губы.

Неловко они коснулись кожи женщины. Она слегка вздрогнула. Я чувствовал, как трепещет ее маленькое сердце, как вжимается она в мои объятия, прячась от всего на свете, и испытывая высшее счастье от того, что могу ей это дать. Я провел рукой по ее хрупким плечам, ощущая, как ладонь скользит по идеальному женскому телу. Неумело поцеловал висок, вот-вот ожидая, что она меня оттолкнет, накричит и навсегда исчезнет, как дым, но женщина стояла попрежнему в моих объятиях, чуть дрожа.

– Я...– она подняла голову, и ее губы оказались прямо напротив моих. Жадные приоткрытые, готовые к поцелую. Я не мог, не хотел останавливаться! Очень нежно коснулся их, понимая, что она отвечает на мой поцелуй своим. Это было, как полет в пустоту. Кажется, что только стоял твердо на земле обеими ногами и ощущал, что никакая сила не сможет тебя сдвинуть отсюда, и вдруг раз...И тело летит в сладкую истому, не чувствуя дна. Я не могу сказать сколько это продолжалось. Время для нас в тот момент остановило свой бег, оставив лишь нам двоим стук наших сердец, бьющихся в унисон. Именно в тот момент я понял, что никакой другой женщины мне в целом мире не надо, что сегодня я встретил ту, ради которой готов пойти на край света. Именно тогда, когда мы падали вниз, одновременно поднимаясь наверх...

Спустя некоторое время, когда дыхания стало не хватать, мы отстранились друг от друга. Валечка посмотрела на меня снизу вверх, вглядываясь в меня, словно пыталась запомнить. Потом провела ладонью по моей щеке и еле заметно улыбнулась.

– Мальчик мой...

В пору было, конечно, надуться. Ну какой я ей мальчик? Крепкий двадцатилетний мужчина, в самом рассвете сил...Но даже я, со свойственным мне упрямством, понял, что лучше промолчать сейчас. Не стоило нарушать то хрупкое, что установилось между нами эти вечером на липовой аллее в самом сердце Харькова. Мальчик? Пусть будет так...Я молча взял её за руку и повел по дороге. Из-за разницы в росте было немного неудобно, и она аккуртано высвободилась.

– Что теперь будет...– проговорила она, старательно отворачивая глаза.

– Свадьба будет!– радостно подхватил я, обгоняя её и усаживая на скамейку. Валя не сопротивлялась. Ошарашенно и счастливо смотрела мимо меня, сложив руки на коленях, как примерная ученица.

– Какая свадьба, Сашка? Я замужем...У меня ребенок есть.

– Но ты же не счастлива с ним!– воскликнул горячо я, бухаясь перед ней на колени. Мне плевать было на новые брюки, справленные матерью в горторге по какой-то льготе, мне плевать было на весь мир, сейчас для меня существовала только она, её грустная улыбка, грустный взгляд из-под длинных ресниц, тихий встревоженный голос.

– Откуда ты знаешь?

– Чувствую...Валь, как только я тебя увидел, то мой мир, словно перевернулся с ног на голову! Я вдруг ощутил, что ты самое дорогое, что у меня есть в жизни и ничего другого мне не надо. Замужем? Давай разведемся! Завтра же подашь заявление в ЗАГС! Ребенок? Я очень люблю детей...– я уткнулся ей в открытые ладошки, лежащие на коленях, стал покрывать их поцелуями. Для меня в этот момент перестал существовать целый мир. Во всей Вселенной остались только мы вдвоем. И мне стало неважно, что нас кто-нибудь увидит или услышит, я готов был горы свернуть ради робкой улыбки моей Валечки.

– Перестань! Саш...

– Я люблю тебя!– воскликнул я.– Выходи за меня замуж!

– Дурачок!– рассмеялась она.– Маленький дурачок...

– Почему дурачок! Разведешься со своим мужем, мы тут же распишемся, заберем твоего сына, кстати, где он сейчас? Я хочу с ним познакомиться! Уверен, он похож на тебя!

– Разведемся... Ты помнишь, кто мой муж?

– А что начальники республиканского НКВД не люди? Им разводиться не положено?

Сейчас, после нашего первого поцелуя для меня не существовало никаких преград. Мир казался простым и понятным. Вот она, Валечка, женщина, которую я люблю... Так почему мы нам с ней не быть вместе?

– Я вообще сомневаюсь, что там работают люди после сегодняшнего дня...

– Я тоже там работаю,– пришлось мне заметить.

– Ты еще ребенок, неиспорченный системой,– усмехнулась Валентина,– пройдет десяток лет и она тоже тебя сломает, научит цинизму, сделает жестче, злее... Уж поверь мне!

– Я...

– Не спорь!– она приложила свой пальчик моим губам.– Я точно знаю...

Мимо нас проскочила огромная овчарка с ошейником. Следом за ней по аллее брел крепкого вида в фетровой шляпе седобородый старичок, чем-то похожий на товарища Калинина. Он шел, помахивая тростью, но заметив нас немного смутился, затормозил, захлопав серыми, как гладь утренней реки глазами.

– Молодые люди, я дико извиняюсь, но не видели ли вы мою Герту? Она не пробежала здесь, плутовка этакая?

– Вон, за теми кустами!– махнул я в направлении, куда исчезла овчарка, но очарование момента для Вали прошло. Она встала со скамьи, отодвигая меня в сторону. Букет ромашек остался лежать одиноко на струганных досках. Оба, и я, и она, понимали, что им суждено здесь остаться навсегда, потому что взять их Валентина с собой не может.

– Мне пора, Сашка!– первые робкие звезды загорелись на все еще сером небосводе. Левее нас медленно и неотвратно выползала из-за туч прозрачно-белая луна.

– Позволь, проводить?– я очень хотел остаться с ней, с моей Валечкой, как можно дольше, каждая минута рядом делала меня самым счастливым человеком на земле. Мне достаточно было просто находиться рядом, дышать одним с ней воздухом, наслаждаться её красотой и чистым звуком голоса.

– Боюсь, что не стоит... Не дай Бог, кто-то увидит!

– Я...

– Ты самый храбрый мальчик на этой планете,– улыбнулась Валентина, глядя мне прямо в глаза,– это я помню... Но не стоит...

Я потупил глаза в землю, обиженно краснея.

– Саш...– Валентина подергала меня за рукав.– Саша...

– Я люблю тебя!– буркнул я.

– Не стоит...– она обхватила мою голову руками и впила губами мне в губы. И планета вдруг завертелась все сильнее. Голова закружилась, словно от переизбытка воздуха.

– Люблю...– прошептал я, покрывая её лицо поцелуями.

– Пора, дурачок... Пора...

– Мне не хочется тебя отпускать...– покачал я головой, сжимая Валентину в объятиях и чувствуя, как под тонкой тканью сатинового платья бьется её огромное сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.